

ЖИВОЙ СЧЁТ

Том 1. Некоторые люди полезны

18+

ml5

mL5

**Живой счёт. Некоторые
люди полезны**

«Автор»

2026

mL5

Живой счёт. Некоторые люди полезны / mL5 — «Автор», 2026

Он умер тихо: двадцать с лишним лет прожил, никого к себе не подпустив, и успел объяснить себе одной мыслью — «наверное, не моё». Вторую жизнь он получил в теле новорождённого. Деревня Крагмор на краю королевства Ролан: полторы сотни человек, шестеро грамотных, вход в подземелье за околицей. Магия здесь есть. Подсказок нет. Никто не сообщает, что ты особенный, и ничего не приходит само: сила стоит серебра, знание стоит серебра, а за перебор звериных органов в гильдии платят шесть медных за вечер. Всё, что у него есть, — привычка считать и записывать. Он хочет прожить эту жизнь иначе — и выясняет, что «иначе» начинается не с меча и не с магии, а с людей, с которыми в прошлый раз у него не получилось. Роман написан от первого лица, без автора. Читатель знает ровно столько, сколько знает герой, видит только то, что он заметил, и собирает мир из тех же обрывков — чужих разговоров, цифр в чужой ведомости и фраз, которые взрослые говорят слишком одинаково.

Содержание

Глава 1. Первый вдох.	5
Глава 2. Маленький мир.	8
Глава 3. Перед праздником.	11
Глава 4. Семилетие.	17
Глава 5. Гости.	23
Глава 6. Гости разъезжаются.	32
Глава 7. Первое утро.	38
Глава 8. Охота.	45
Глава 9. Цена знаний.	53
Глава 10. Тропы.	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

mL5

Живой счёт. Некоторые люди полезны

Глава 1. Первый вдох.

Окно возрождения появилось в третий раз за вечер.

Я дождался, пока таймер досчитает до нуля, и не нажал ничего.

— Да уж.

Наушники легли на стол, и в комнате сразу стало слышно системный блок. Он гудел всё это время — просто под звуком его не было.

За окном светлело.

Опять.

Я выключил монитор и какое-то время сидел в темноте, пока глаза не привыкли.

Кровать стояла в двух шагах. Одеяло на ней лежало скомканным с прошлой недели, и я помнил, с какого именно дня, потому что тогда же кончился порошок, а новый я так и не купил.

Надо бы постирать.

Мысль появилась и ушла, как уходили десятки таких же до неё. Завтра примерно в это же время она вернётся и точно так же ничем не кончится.

Я лёг не раздеваясь.

Перед сном в голове всегда всплывало одно и то же, не по порядку и без всякого повода.

Класс. Последняя парта.

Пустая аудитория, куда я пришёл на полчаса раньше и просидел один.

Чей-то голос: «Ну... ладно».

Пауза, в которой полагалось что-то сказать.

Наверное, не моё.

Мысли становились тише.

Потом их не стало.

* * *

Холод.

Свет.

Слишком яркий и слишком близко — я зажмурился раньше, чем понял, что у меня есть глаза.

Холодно.

Очень холодно.

Вдохнуть.

Не выходит.

В груди пусто и тесно одновременно. Что-то должно работать, и оно не работает.

Вдохнуть.

Ещё.

Лёгкие не слушаются. Их будто не включили.

Я напрягся весь, всем, что у меня было.

И —

Воздух.

Он вошёл до самого низа, и вместе с ним наружу пошёл крик.

Я не решал кричать.

Крик шёл сам, долго, и я слышал его со стороны и не мог остановить.

Потом меня накрыло тёплым.

Холод уходил слоями — сначала с груди, потом с рук, и последними отпустило ступни. Крик стих сам.

Вокруг говорили. Громко, много, совсем рядом, и ни одного знакомого звука.

Я открыл глаза.

Мир оказался размытым пятном света и теней, и в этом пятне надо мной висело лицо.

Женщина. Она говорила без перерыва и улыбалась, и по щекам у неё текло.

Я попробовал повернуть голову.

Голова не повернулась.

Попробовал руку. Рука шевельнулась на палец и остановилась.

Рядом появилось второе лицо. Мужчина, чёрные волосы. Он положил ладонь мне на голову — осторожно, будто сначала проверял, можно ли, — и что-то сказал женщине.

Та засмеялась сквозь то, что текло по щекам.

Я не понял ни слова.

Дальше время сломалось.

Я просыпался и засыпал, и между этим не оставалось ничего, за что можно было зацепиться. Сон приходил посреди мысли и уходил так же.

Иногда было тепло.

Иногда холодно.

Иногда просыпался голод — такой, что в голове не оставалось места ни для чего другого. Тогда я кричал, и через какое-то время меня кормили, и это была вся моя жизнь на несколько недель вперёд.

Потом что-то изменилось, и я не сразу понял что.

Понял, когда впервые пролежал несколько минут спокойно: ничего не хотел, никуда не проваливался и просто лежал.

Запахи.

Дерево — от стен и от потолка. Дым, сильнее к вечеру. Трава. Тёплая ткань. Что-то кислое, чего я не узнавал.

Их было слишком много.

Я разбирал их по одному и в какой-то момент отметил, что в той комнате не пахло вообще ничем. Ни разу за несколько лет. Раньше я думал, что так и устроен воздух.

Ночью в доме потрескивало.

Мужчина уходил затемно. Я слышал, как он собирается, стараясь не шуметь, потом дверь, потом петли, потом опять тихо. Возвращался по-разному: иногда засветло, иногда сильно позже.

Женщина каждый раз встречала его у двери.

Они долго разговаривали. Иногда смеялись. Иногда говорили не так, и тогда между словами становилось больше пустого места.

Я слушал.

Не потому, что хотел разобраться, — просто больше было нечем заняться. Звуки повторялись. Одни и те же сочетания вставали в одних и тех же местах, и я начал их складывать, потому что складывать оказалось единственным доступным занятием.

К тому времени, как я впервые сам перевернулся на живот, сомнений у меня уже не было. Это не сон.

Сон не держит запахи неделями. Во сне не ждут еду. Во сне не бывает так подробно и так долго подряд.

Получается, я родился заново.

Я подождал, что будет дальше.

Ничего не было. Ни страха, ни паники, ни того, что полагается чувствовать человеку, с которым такое случилось.

Скорее наоборот. Стало ровнее.

Я попробовал понять почему и перебрал по порядку, как перебирал всегда: работу, которой не было; учёбу, которую бросил; людей, которым следовало бы сообщить.

Список кончился быстро.

Я подумал, что это, наверное, должно быть грустно, и не нашёл в себе ничего похожего.

Если это правда новая жизнь — стоит попробовать прожить её иначе.

Что означает «иначе», я не знал.

Это можно было решить потом. Времени, судя по всему, было много.

Глава 2. Маленький мир.

Мир начинался в трёх шагах над головой и там же заканчивался.

Потолок был собран из широких досок, и между досками кто-то плотно забил светлые полосы. В двух местах полоса выкрошилась, и оттуда тянуло холодным.

Похоже, от этого их и забивают.

Я нашёл эти два места на четвёртый или пятый день и потом каждое утро проверял, не появилось ли третье.

Больше проверять было нечего.

Стены оказались такими же — доски и полосы, только доски более узкие. Пахло в доме всегда одинаково: деревом, дымом и тем, что готовила женщина. Запахи менялись по времени суток, и по ним можно было понять, ближе к утру или к вечеру, даже не поворачивая головы к окну.

Голову я к тому времени уже поворачивал.

Здесь меня звали здесь Алекс.

Я вычислил это не сразу: короткое слово, которое женщина говорила чаще других, всегда при этом глядя на меня, — значит, моё. Потом заметил, что мужчина обращается к ней одним и тем же сочетанием. Женщину звали Нири.

Ещё через несколько дней она назвала его Артуром.

Алекс. Нири. Артур.

Три слова, на которые ушло что-то около месяца.

Я подумал, что в той жизни за месяц выучивал по сорок иностранных слов в день, если было нужно, и что здесь у меня нет ни словаря, ни переводов, ни даже возможности спросить. Только повторения.

Придётся считать их.

Привычки Артура я разобрал раньше, чем язык.

Он вставал раньше всех. Собирался тихо, дверь открывал придерживая, чтобы петли не пошли в полный голос, — и всё равно они каждый раз скрипели на одной и той же ноте.

Возвращался по-разному. Иногда до заката. Иногда сильно позже.

Нири встречала его у двери всегда. Не «почти всегда» — я следил.

Дальше они разговаривали, и разговоры делились на два вида. В первом было много смеха, во втором смеха не было совсем, зато были паузы. Второй вид случался реже и почти всегда после того, как Артур возвращался поздно.

Я запоминал, какие звуки идут в каком из двух.

Это оказалось полезнее, чем запоминать слова.

Тело догоняло медленно и в понятном порядке.

Сначала научился сидеть. Потом ползать — быстро, потому что ползать оказалось почти тем же самым, что и лежать, только с пользой.

Вставать было хуже.

Я держался за край лавки, поднимался, стоял пять или шесть вдохов и садился обратно. На следующий день — семь. Ещё через день — снова пять, и это раздражало сильнее всего: тело не складывалось в ровный ряд, оно шло вверх зигзагом.

Первые шаги я пересчитывать перестал, потому что падал слишком часто.

Нири каждый раз подбегала.

Я довольно быстро понял, что если сесть и не издавать звуков, она останавливается на полдороге и просто смотрит. Так было удобнее: я успевал сообразить, куда именно поставил ногу неправильно.

Через несколько недель падений стало заметно меньше.

Ещё через какое-то время я ходил по дому свободно, и мир перестал быть комнатой. Теперь можно было выбирать, куда идти.

Двор оказался небольшим.

Дом, сарай в двадцати шагах, большое дерево ближе к забору. Забор высокий и глухой, и от калитки до крыльца — примерно двадцать пять моих детских шагов, о чём я узнал, потому что считать шаги было первым занятием, которое я себе нашёл.

За забором начинался лес.

Днём оттуда шло птичье, вечером — совсем другое: то протяжное, то короткое и резкое. Пару раз над деревьями пролетели птицы такого размера, что я сначала принял их за что-то другое.

Я показал пальцем.

Нири назвала слово.

Я показал ещё раз, через несколько дней, когда пролетели следующий раз.

Слово было то же самое.

В доме всё лежало на своих местах, и мест было немного.

Деревянная посуда. Глиняные кувшины. Полки. Верёвки. Инструменты, назначения которых я не понимал, — таких было больше половины.

Ни одна вещь в доме не выглядела одинаковой с другой такой же. Две миски отличались формой края, у трёх ложек ручки были разной длины.

Всё сделано руками. Каждая вещь по отдельности.

Я разглядывал их подолгу, пока родители были заняты. Артур несколько раз это замечал и только улыбался.

Ребёнок, который таращится на ложку, — вещь понятная. За неё не спрашивают.

Меч висел у выхода.

Первое, что я про него отметил: Артур брал его всегда. Не «обычно» — я проверял полгода, и он не вышел за дверь без меча ни разу, даже когда уходил к соседям на четверть часа.

Второе: он с ним возился.

Каждый раз, вернувшись, осматривал клинок — медленно, поворачивая к свету. Точил через вечер. Кожаную обмотку рукояти сменил на моей памяти дважды, ножны — тоже дважды.

Третье я заметил позже и не сразу поверил.

Изменился сам меч.

Гарда стала другой формы, клинок — длиннее. Я стоял и сверял с тем, что помнил, а помнил я хорошо.

Похоже, оружие здесь не покупают один раз.

Его расходуют.

Я подержал эту мысль и не стал делать из неё выводов. Пока получалось только одно: то, чем занимается Артур, изнашивает вещи.

Однажды я проснулся до рассвета.

В доме было тихо, и Артура рядом не оказалось. Я подошёл к окну.

Он тренировался во дворе.

Меч ходил ровными дугами, и одно движение переходило в следующее так, что я не мог разобрать, где кончается первое. Иногда всё ускорялось до того, что взмахи переставали различаться. Потом снова замедлялось.

Я смотрел до конца.

Мне показалось, что он не думает о каждом движении отдельно. Не выбирает. Тело идёт само и опережает голову на полшага, и по этому опережению всё и видно.

Проверить это было нечем.

Я запомнил как есть.

На следующий день я вышел во двор, пока родители были заняты.
У сарая лежали сухие ветки. Я перебрал их и выбрал самую прямую — она была тяжелее, чем нужно, но остальные гнулись.
Встал примерно там же, где вчера стоял Артур.
И попробовал повторить.
Палка ушла в сторону на первом же движении.
На втором я развернулся дальше, чем собирался.
На третьем споткнулся и сел в траву.
Я поднялся, отряхнулся и по дороге случайно посмотрел на окно.
Возле него стоял Артур.
По тому, как он стоял, было понятно, что стоит он там не первую минуту.
Он открыл раму.
— Молодец.
И ушёл.
Не остановил. Не поправил. Не засмеялся.
Три вещи, каждая из которых что-то значила, и все три указывали в одну сторону.
Я посмотрел на палку ещё раз.
Артур не выходит из дома без меча. Он его точит, перематывает, меняет и стачивает до того, что меч приходится заменять целиком. Он встаёт до рассвета, чтобы махать им во дворе, когда никто не видит.
Значит, здесь это не увлечение. Однажды он станет учить и меня — иначе зачем было говорить «молодец».
А пока можно не терять время.
С того дня я выходил во двор всякий раз, когда появлялась свободная минута.
Получалось плохо.
Получалось плохо очень долго — настолько, что я перестал ждать, когда станет хорошо, и начал смотреть только на вчера. Вчера палка уходила в сторону на каждом втором взмахе. Сегодня на каждом третьем.
Этого хватало.
Так прошло четыре года.
Артур не раз замечал мои утренние упражнения и ни разу не вмешался. Иногда, проходя мимо, улыбался.
Однажды я всё-таки спросил, когда он начнёт учить меня по-настоящему.
Отец рассмеялся.
— Всему своё время. Вот исполнится тебе семь — тогда и займёмся основательно.
Этот ответ я слышал потом ещё несколько раз, слово в слово, и в конце концов перестал спрашивать.
Оставалось наблюдать, запоминать и каждое утро выходить во двор с деревянной палкой.

Глава 3. Перед праздником.

Палка ушла ниже, чем я её вёл.

Не намного. На ладонь.

Но я её туда не направлял.

Я остановился и попробовал ещё раз, медленно. Рука дошла до того же места и там осела — сама, без меня.

Обычно я махал, пока не начинало темнеть, ставил палку к стене сарая и шёл в дом, и рука к этому времени была тяжёлой, но своей.

Сегодня она перестала быть моей раньше, чем я решил закончить.

И что это?

Ответа не было. Я запомнил, как это ощущалось: тяжесть шла не от кисти, а откуда-то из-под лопатки, и она не проходила, если постоять.

На этом всё.

— Всё ещё тренируешься?

Я обернулся.

Оказалось, уже темнело. Над соседними крышами стоял дым, в двух окнах напротив горело, и я не заметил, когда это началось.

Артур стоял у калитки.

Плащ был в земле — не в пыли, а в чёрной земле, полосами, будто он ею полз. На ножнах налипло и засохло. Нагрудник он ещё не снял.

Я посмотрел на нагрудник.

Царапины шли наискось, слева направо, широкой полосой, и в трёх местах металл в них поменял цвет.

Я посчитал полосы. Их было восемь.

— Я, конечно, говорил, что для меча нужны постоянные тренировки. — Артур поставил меч у стены сарая и потёр шею. — Но переусердствовать тоже не стоит.

Я опустил взгляд на палку.

Ответ у меня был. Плохо было то, что мне понадобилось время, чтобы его собрать, и пауза вышла длиннее, чем нужно.

— Хочу стать таким же сильным, как ты.

Артур не ответил.

— И ты обещал взять меня на охоту после семилетия. Осталось два дня.

Тогда он усмехнулся.

— Это я помню.

Он подошёл и положил ладонь мне на голову. Ладонь была холодная.

— Лучше быть готовым заранее. Это хорошая привычка.

Я ждал, что он возьмёт палку. Он держал её взглядом дольше, чем нужно человеку, который просто смотрит на палку.

Потом убрал руку.

— Только сегодня сделай себе поблажку. Завтра начнут приезжать гости. Даже твоя тётя Али выбралась из столицы.

Он кивнул на дом.

— Мне понадобится помощник, а не уставший боец. Пойдём.

* * *

В доме было жарко после двора.

Руки я почувствовал только внутри. Не боль — вес. Они висели, и мне пришлось специально их поднять, чтобы снять с крючка полотенце.

Из кухни тянуло жареным мясом со специями.

— Вернулись, мои воины?

Нири обернулась от стола и улыбнулась, и улыбка держалась ровно до того момента, когда её взгляд опустился на нагрудник.

— Что случилось?

Артур снял доспех и поставил его к стене. Не бросил, не прислонил кое-как — поставил так, чтобы стоял.

— Сегодня было непросто. С нижних этажей поднялись тёмные плетуны. Игни и Ворт ранены.

Название я услышал впервые.

Нири подошла и провела ладонью по металлу. Она вела пальцем по каждой борозде отдельно, сверху вниз, и ни одной не пропустила.

— Ты должен быть осторожнее. В прошлый раз...

— Не сегодня.

Артур сказал это спокойно. Но Нири замолчала.

— Скоро праздник.

Она смотрела на него ещё какое-то время. Потом кивнула.

— Да.

И вернулась к столу так, будто ничего не было.

Я запомнил и это. Есть слова, после которых в этом доме перестают говорить, и «не сегодня» одно из них.

— Сегодня пришло письмо от моего отца.

Артур поднял голову.

— Он приедет?

— Да.

— Один?

— Жанну вызвали в столицу. Дела торговой компании.

Артур хмыкнул.

Он ждал другого ответа. Я не знал, какого, и спрашивать было не у кого.

— Садитесь, — сказала Нири. — А то мясо остынет.

За ужином никто больше не говорил ни про плетунов, ни про письмо. Артур ел молча и первым встал из-за стола. Нири убирала посуду дольше, чем нужно, чтобы её убрать.

Я ушёл к себе и лёг.

Рука ныла от плеча до кисти, и в темноте это ощущалось отчётливее.

Я лежал и перебирал вечер по кускам. Полосы на нагруднике. «Не сегодня». Письмо, от которого Артур ждал не того ответа. Рука, севшая сама.

Ничто из этого ни с чем не складывалось.

Но лежало теперь рядом, и это было лучше, чем ничего.

* * *

Проснулся я от грохота.

На кухне что-то ставили, двигали и снова ставили, и по звукам было понятно, что готовят не завтрак. Я попробовал сесть, и всё, что вчера было тяжёлым, оказалось ещё и болезненным.

Я полежал.

Потом всё-таки встал и вышел во двор, потому что четыре года выходил во двор.

Палка стояла у стены сарая, где я её вчера оставил.

Я взял её.

Поднял до пояса и остановился.

Не потому, что решил остановиться. Плечо поднялось, а дальше не пошло — там, где обычно ничего не было, чувствовалась стенка, и стенка была не в мышце, а где-то под лопаткой.

Я попробовал ещё раз, медленно.

Дошло до груди.

Я поставил палку обратно.

Четыре года я выходил сюда каждое утро и ни одного утра не пропустил. Я считал не результат, а вчера: вчера палка уходила в сторону на каждом втором взмахе, сегодня на каждом третьем, и этого хватало.

Сегодня сравнивать было не с чем.

Выходит, считать взмахи мало. Есть второе число, которого я не считал, и сегодня оно предъявило себя само.

За спиной хлопнула дверь.

Артур был в чистой рубахе и уже нёс что-то от сарая к воротам.

— Долго спал. После твоего праздника займёмся по-настоящему. А пока умойся, поешь и приходи. Сегодня мне нужен помощник.

Он не остановился, пока это говорил.

Я заметил это ещё в прошлом году и с тех пор проверял: он говорит, не бросая того, что делает. Всегда. Останавливался он на одном — если речь заходила про подземелье.

Я умылся и поел стоя, потому что Нири два раза попросила не садиться за стол, который она уже накрыла.

Когда я вышел, Артура во дворе не было.

— Алекс! Иди сюда. Возьми тележку у входа.

Голос шёл из сарая. Внутрь я заходить ещё не пробовал: дверь всегда была прикрыта, а спрашивать, что там, — значило признать, что мне интересно.

Тележка стояла у калитки — железная, почти с меня. Я взялся за ручки и потянул, готовясь, что не сдвину.

Она пошла.

Не легко. Но пошла, и я довёз её до сарая, ни разу не поставив.

Либо тележка легче, чем выглядит.

Либо четыре года всё-таки во что-то сложились.

Проверить это можно было только одним способом, и я решил проверить.

У входа лежала грудa лат.

Я стал перекладывать. Нагрудник с пробоиной посередине — металл вокруг дыры был вывернут наружу, значит, било изнутри. Наручи, разорванные вдоль. Наплечник, у которого не хватало половины. Пряжки, ремни, что-то, чему я не знал названия.

Тележка наполнилась быстрее, чем я думал.

Потом она перестала катиться.

Я упёрся, сдвинул, прошёл немного, упёрся снова. Пальцы соскальзывали с холодного железа. Я перехватил ниже, ободрал костяшку о край и перехватил ещё раз.

Толкнуть.

Пройти.

Стоп.

Толкнуть.

К воротам я её довёл. Там пришлось сесть на землю, потому что колени решили это за меня.

Артур посмотрел, но помогать не пошёл.

* * *

Сарай изнутри оказался больше, чем снаружи.

Вдоль стен шли полки, и на полках лежало всё подряд: мечи без ножен, ножны без мечей, топоры, связки ремней, свёрнутая кожа, три шлема разной формы, коробки. Половину я не смог назвать.

Пахло маслом и старым металлом.

Я прошёл вдоль полок и остановился в конце.

У дальней стены, на отдельном деревянном стенде, висел лук.

Он не подходил ко всему остальному.

Белое дерево, отполированное до блеска. Ни зазубрины, ни потёртости на плечах, ни следа на месте, куда ложится ладонь. В рукояти сидели три красных камня.

Здесь всё чинили, перематывали, стачивали и выбрасывали. Меч Артура за мою жизнь здесь сменился целиком.

Этой вещи не касались годами.

И на ней не было пыли.

Получается, кто-то её вытирает.

— Отец. Что это?

Артур перестал перебирать доспехи. Не сразу — сначала доложил в стопку то, что держал.

— Лук твоей матери.

Он смотрел не на лук, а куда-то мимо него.

— Когда-то Нири была отличной лучницей. Ещё до того, как мы переехали сюда.

— А потом?

— А потом мы переехали сюда.

Он взял следующий наруч.

— Если интересно, сам её расспросишь.

Снаружи стукнуло копыто.

Артур посмотрел на выход.

— Уже приехала.

Он сказал это тихо, себе. Я всё равно услышал.

— Любит появляться раньше остальных.

* * *

У ворот стояла лошадь.

Она была выше всех лошадей, которых я видел в прошлой жизни, и я не сразу понял, чем именно она неправильная: она стояла, не переступая. Совсем. Как вещь, которую поставили.

Рядом стояла женщина.

На вид ей было чуть за двадцать. Чёрные волосы того же оттенка, что у Артура. Серая мантия, по краю прошитая золотым и чёрным: издали — узор, вблизи — не узор, потому что элементы повторялись не через равное. На правом запястье чёрный браслет, в браслете серебром выложено животное, которого я не знал.

Оружия при ней не было.

Ни ножа, ни лука на седле, ни чего-нибудь под мантией — я специально посмотрел, как ложится ткань.

В деревне, где мужчина не выходит к соседям без меча, женщина проехала одна и без ничего.

— Давно не виделись, младший брат.

Она улыбалась. Артур — нет.

Я никогда не видел, чтобы он так стоял. Плечи он держал так же, как перед тем, как взять меч.

— Это всё, что ты хочешь сказать спустя восемь лет?

Улыбка стала меньше.

— Ты правда хочешь начать этот разговор при ребёнке?

Стало тихо.

Восемь лет молчали. Из-за чего?

Восемь лет — это на год больше, чем я живу здесь. Что бы там ни было, началось оно до меня.

Если не начать разговор, закончится сейчас, не начавшись, и оба будут молчать до конца праздника.

— Тётя, — сказал я. — А вы маг?

Она повернулась ко мне, и то, что стояло между ними, исчезло, как будто выключили.

— Знакомься, Алекс, — сказал Артур. — Это моя старшая сестра Али.

Она присела на корточки. Оказалось, так мы почти одного роста.

— Алекс. Хорошее имя. — Она посмотрела в сторону дома. — Мама выбирала?

Я пожал плечами.

— Да, я маг. Маг тьмы двух звёзд.

— А что значит — двух звёзд?

Али задумалась. Не над ответом — она выбирала из нескольких.

— Это значит, что однажды я победила капитана демонов.

— Али.

Артур произнёс её имя ровно и не громче обычного.

Этого хватило.

Она рассмеялась.

— Пожалуй, с этим можно подождать ещё несколько лет.

Звёзды. Выходит, у магов есть ряд, и кто-то его ведёт.

А ещё где-то есть демоны, у которых бывают капитаны.

Ни то ни другое я проверить не мог. Я убрал их туда же, куда убирал всё, что нельзя проверить сегодня, — и это место у меня давно было больше, чем всё остальное.

Из дома вышла Нири.

— Али! Рада тебя видеть.

* * *

До вечера мы разбирали сарай.

Я возил тележку к воротам и обратно, подавал, придерживал, оттаскивал в сторону то, что Артур откладывал. Он почти не говорил. Пару раз молча забирал у меня ручки телеги и увозил сам, а потом отдавал обратно.

Обед мы пропустили. Я понял это, когда солнце ушло за забор, и понял по солнцу, а не по себе.

Лошадь Али простояла у столба весь день. Я проходил мимо неё всё утро и ни разу не застал её переступившей. К вечеру у столба появились кормушки с тёмно-фиолетовым кормом — я не видел, кто их принёс.

Артур остановился посреди двора и оглядел его.

Инструменты по местам. Дорожка подметена. У сарая пусто.

— Пойдём.

Дом я не узнал.

Угол у камина, где всегда лежали доспехи, был пустой. Нагрудник висел на стене — вычищенный, с новыми ремнями. Рядом чёрные наручи. Остального не было вообще.

Пахло чем-то, чего у нас никогда не готовили.

На столе стояли миски, накрытые тарелками. Нири и Али резали зелень и о чём-то тихо говорили.

Потом я увидел ложку.

Она мешала в казане.

Сама.

— Закончили? — Нири подняла голову. — Садитесь, вы наверняка голодные.

Артур прошёл к столу молча.

Я сел и продолжил смотреть на ложку. Она шла ровно и одинаково, и по ней нельзя было понять, что её держит.

— Мам. А почему она сама мешает?

Нири открыла рот.

— Это я, — сказала Али. — Смотри.

Она подняла ладонь.

Ложка встала над казаном. Дверцы шкафа открылись, и оттуда одна за другой вышли тарелки. Ни одна не качнулась. Они разошлись по местам, встали, и следом поднялся сам казан, доплыл до стола, разлил по тарелкам и вернулся на плиту.

Всё это заняло примерно столько же времени, сколько заняло бы у человека. Не быстрее.

— Ого. — Я поднял взгляд. — Это правда всё ты?

— Конечно.

— А что ещё ты умеешь? Покажешь?

— Обязательно. — Она подмигнула. — Но завтра.

— Давайте есть, — сказал Артур.

Но стоило Али сесть, как он снова стал таким, каким стоял у ворот.

— Артур, — сказала Нири. — Кто из твоего отряда придёт завтра?

— Глава Хад с сыном. — Он начал загибать пальцы. — Елена. Вик. Ворт хотел, но после последнего рейда не встал. Четверо.

— Пока я ехала, — сказала Али, — деревенские говорили, что магвери с нижних этажей поднялись.

Она смотрела на брата.

— Если так, этот прилив может быть сильнее.

Артур ответил не сразу.

— Возможно. Но это дело будущего.

И повернулся к Нири.

— А с твоей стороны кто?

Улыбка у Нири постепенно погасла.

— Настя обещала. София... — Она запнулась. — И отец.

— Ты так до сих пор не решила всё с родителями? — спросила Али.

Нири покачала головой.

Артур вздохнул.

— Давайте ужинать.

Дальше почти не разговаривали. Один раз Али подняла голову, как будто собралась что-то сказать, и не сказала.

Плетуны. Магвери. Прилив. Маги. Демоны.

Пять слов за два дня, и ни одного из них я не мог посмотреть нигде.

* * *

Перед сном я вышел в гостиную за водой.

Нагрудник висел на стене, отмытый, с новой кожей на ремнях. От двери он выглядел как новый.

Я подошёл и посмотрел вблизи.

Полосы никуда не делись. Их просто стало не видно с трёх шагов.

Глава 4. Семилетие.

Уснуть получилось не сразу.

Я лежал и разбирал ложку.

Она делала круг за одинаковое время, и это была единственная проверяемая вещь во всём, что я вчера увидел. Всё остальное — казан, тарелки, дверцы шкафа — я мог только запомнить.

Семь лет я прожил в доме и во дворе. Ложка мешала сама, а я узнал об этом сегодня, потому что до этого в доме не было гостей, которые это умеют.

Похоже, дело не в том, что магии мало.

Дело в том, что я мало где был.

* * *

Проснулся я до рассвета.

Сегодня мне исполнялось семь. По этому поводу в дом должны были прийти люди, которые не хотят разговаривать друг с другом, и я должен был при этом присутствовать.

На кухне уже горело.

Али сидела за столом. Мантия выглядела так же, как вчера, — ни складки, хотя она в ней приехала. Перед ней лежал вытянутый синий камень, и она катала его между пальцами, не глядя на него.

Камень цеплялся за пальцы и каждый раз останавливался в одном и том же положении.

— Доброе утро, Алекс. Как спалось?

Другого случая спросить у неё что-нибудь сегодня могло и не быть.

— Всю ночь думал о магии.

— Вот как. — Она чуть наклонила голову. — И к чему пришёл?

Правильного ответа у меня не было. Был безопасный.

— Что с её помощью очень удобно расставлять посуду.

Али смотрела на меня.

Потом рассмеялась.

— А ты осторожный. Это хорошо.

Она достала из складок мантии деревянный шар размером с кулак. По шару шли тонкие канавки, и канавки складывались в узор, который нигде не замыкался: я вёл по нему взглядом и каждый раз приходил не туда, откуда начал.

— Тогда посмотри ещё кое на что.

Шар лёг ей на ладонь.

Сначала ничего.

Потом одна канавка налилась фиолетовым.

За ней вторая.

Ещё одна.

Через несколько ударов сердца светился весь узор, и внутри дерева было видно, как свет идёт по канавкам дальше, туда, куда снаружи они не шли. Пошёл высокий звук, на пределе слышимого. Шар дрогнул на ладони.

Я сделал шаг вперёд.

Рука потянулась сама.

Когда между ладонью и шаром осталось меньше пальца, свет начал быстро мигать.

Чёрный.

Белый.

Красный.

Дальше я перестал успевать за ним глазами.

И всё погасло.

На ладони лежал деревянный шар с канавками.

Али смотрела на него.

— Хорошо, — сказала она. — Очень хорошо.

Шар ушёл в мантию.

Она поднялась со стула так, как встают из-за завтрака.

— Кстати. Твой отец просил зайти к нему, как проснёшься.

— Зачем?

— Не сказал. Но ждать он не любит.

Я кивнул.

Что это сейчас было?

Спрашивать было бессмысленно: она уже дважды ответила не на то, о чём её спрашивали, и оба раза это выглядело как ответ. Я запомнил порядок цветов и то, что рука пошла раньше меня, — и на этом остановился.

* * *

Артур ждал во дворе. Меч на поясе, рубаха чистая.

— Пойдём.

— Куда?

— Познакомлю тебя с людьми, у которых теперь будешь учиться.

Опять учиться. И опять с семи.

Я пошёл следом.

За семь лет дальше своего забора я выходил считаное число раз, и всегда с родителями. От крыльца до калитки было двадцать пять моих шагов, потом двадцать три, потом двадцать один, по мере того как ноги становились длиннее, — и это было всё, что я знал про расстояния.

За калиткой мерить оказалось нечем.

Дорога шла между домами, и дома были разные — не «похожие, но разные», а разные по-настоящему: у одного стены потемнели почти до черноты, у соседнего доски были ещё жёлтыми, дальше стоял забор из тёсаных досок, а через два дома — плетень, который держался на честном слове; в одном дворе сушились шкуры, натянутые на рамы, в другом кто-то колол дрова и попадал не каждый раз, у третьего двое мальчишек моего роста сбивали палками яблоко и уже сбили два соседних; навстречу шли люди с луками за спиной, люди с копьями и люди с пустыми руками, и все они шли не спеша, никто из них не был занят тем же, чем предыдущий.

Запомнить это целиком не получалось. Я попробовал и понял, что теряю первый дом, пока разглядываю четвёртый.

— Доброе утро, дядя Артур!

— Доброе, — сказал отец, не сбавляя шага.

Мальчишка помахал и вернулся к яблоку.

Похоже, отца тут знают все, включая тех, кому семь.

Дальше дома встали плотнее, и впереди показалось каменное здание.

Первое каменное, которое я видел.

Невысокое, с широкими ступенями. Над входом висела деревянная вывеска: меч и перекрёщённая с ним ветка. На ступенях сидели трое: один проверял ремни на нагруднике, дёргая каждый по очереди; второй разложил на бочке лист и водил по нему пальцем; двое спорили и через раз показывали в сторону леса.

— Отделение гильдии авантюристов, — сказал Артур.

У крыльца стояла повозка.

Мешки в ней были в чём-то густом, зеленовато-фиолетовом, и это что-то натекло на доски и там засохло. Один мешок был раскрыт.

Из него торчали лапы.

Чёрные, покрытые чем-то вроде панциря — не гладкого, а в мелкую рябь, как кора. Длинной с человеческую руку. Может, длиннее.

Я стоял и смотрел дольше, чем собирался.

И туда он уходит каждое утро.

Вот что привозят снизу.

Вот что позавчера прошло по нагруднику наискось.

— Пойдём, — сказал Артур.

Он не объяснил, что это. Я не спросил.

* * *

Дом, к которому мы свернули, ничем не отличался от соседних.

Только у крыльца стояла длинная скамья, слишком длинная для одного дома, а на стене висела тёмная доска, исписанная белым. Символов я не знал ни одного. Одни повторялись часто, другие я нашёл всего по разу.

Может, это буквы, а не рисунки.

Дверь открыла девушка со светлой косой. Рукава простого голубого платья были закатаны до локтей, на пальцах что-то серое.

Увидев Артура, она улыбнулась.

— Доброе утро.

Потом посмотрела на меня.

— Значит, тебе уже семь?

— Да. Сегодня.

— Время летит.

Она присела на корточки. Так мы оказались почти одного роста — уже второй человек за два дня, который так сделал.

— Меня зовут София. С сегодняшнего дня я буду учить тебя читать, писать и считать.

Она говорила без того особого голоса, которым взрослые разговаривают с детьми.

— Рад познакомиться.

Слова вышли раньше, чем я успел их проверить.

София моргнула.

— Какой вежливый.

Опять.

— Это у него само получается, — сказал Артур.

— Само — это хорошо, — сказала София, и смотрела она при этом не на Артура, а на меня. — Любишь задавать вопросы?

— Да.

— Тогда мы поладим. Отвечать мне нравится гораздо больше, чем заставлять детей переписывать буквы.

Я показал на доску.

— А что здесь написано?

— Список тех, кто мне должен за прошлый месяц. — Она не запнулась. — Двое из них умеют читать, поэтому список висит снаружи.

Она сказала это ровно так же, как всё остальное.

— Занятия через три дня, — добавила София, уже Артуру. — После праздника пусть отдохнёт. Потом свободного времени у него станет меньше.

— Передам, — серьёзно сказал отец.

Хотя я стоял между ними.

София засмеялась.

— Не слушай его. Свободное время тоже останется.

* * *

За домом Софии дома снова начали редеть, и впереди показалось второе каменное здание.

Светлый камень, широкое крыльцо, четыре белые колонны у входа. Ни башен, ни куполов, ни чего-нибудь, что издали говорило бы: это не жилой дом.

Вокруг росли молодые деревья, под ними стояли скамьи. На одной двое стариков спорили вполголоса. Между деревьями бегали дети и на здание не смотрели вообще.

Не то, чего я ждал.

Я не знал, чего именно ждал, — но чего-то, что видно издали.

У входа нас ждала Нири.

— Нашли Софию?

— Нашли. Занятия через три дня.

— Тогда всё хорошо. — Она потрепала меня по голове. — Не устал?

— Пока нет.

— Тогда пошли внутрь.

Внутри было ещё проще, чем снаружи. Каменный пол, деревянные скамьи, высокие окна. В дальнем конце стояла статуя: мужчина в длинных одеждах держал раскрытую книгу, одной рукой будто приглашая подойти, другой показывая куда-то мимо.

Я посмотрел, куда он показывает.

Там была стена.

— Это Аарн, — сказала Нири. — Основатель нашей веры.

Из бокового прохода вышел мужчина лет сорока. Тёмная одежда, ничем не отличающаяся от обычной, только на груди небольшой деревянный знак с красным кристаллом. Борода подстрижена. В руках он нёс подставку для свечей, у которой одна ножка сидела криво.

— А это, должно быть, Алекс. Меня зовут Марн. С сегодняшнего дня часть своего времени тебе придётся терпеть и меня.

Он сказал это совершенно серьёзно.

Артур и Нири одновременно наклонили головы. Марн ответил тем же и поставил подставку на скамью, ножкой вверх.

— Раз сегодня начинается твоё второе семилетие, начнём с простого. С вопроса.

Он сел.

Не на корточки, как София и Али, — на скамью, и подставку отодвинул.

— Как ты думаешь, зачем люди приходят в храм?

И что он ждёт услышать от семилетнего?

Ответ, который у меня был, семилетнему не полагался. Молчать тоже не годилось.

— Чтобы встретиться с друзьями?

Марн улыбнулся.

— Хороший ответ. Многие приходят именно поэтому. Не только помолиться или спросить. Иногда человеку просто нужно место, где его выслушают.

Он помолчал.

— А иногда — где он сам кого-нибудь выслушает.

Я посмотрел по сторонам.

Двое разговаривали у окна. Один сидел молча и ни на кого не смотрел. Пожилая женщина читала книгу — первая книга, которую я видел в чьих-то руках.

Никто здесь не выглядел так, будто пришёл по обязанности.

— Когда начнутся занятия, поговорим подробнее.

Марн полез под одежду и достал деревянный амулет — такой же, как у него на груди, только без кристалла.

— Держи. Пусть будет подарком на твой праздник.

Я взял. Дерево было тёплым — он носил его на себе.

— Благодарю.

— Береги.

Он поднялся и взял подставку. Дошёл до прохода. Остановился.

— И ещё.

Он обернулся.

— Не бойся задавать вопросы. Человек перестаёт учиться не тогда, когда становится взрослым. А тогда, когда решает, что уже знает достаточно.

И ушёл вглубь храма, унося кривую подставку.

Я стоял и смотрел ему вслед.

Он единственный за сегодня не присел ко мне. Он сел там, откуда меня было видно целиком.

* * *

До дома мы дошли к полудню.

У наших ворот стояла чёрная повозка. Её тянули две гнедые лошади, а рядом мужчина лет пятидесяти насыпал овёс в кормушки. Высокий, сутулый, седой на висках. Кормушки он вёз с собой — свои, деревянные, с одинаковыми зарубками на боку.

Услышав нас, он выпрямился раньше, чем повернулся.

— Приветствую, леди Уоррен. Господин Бореас уже внутри.

Он поклонился Нири.

— Благодарю, — сказала она.

И всё.

Он знал, кто она. Она знала, кто он. И разговаривали они как незнакомые.

В доме было тихо. Из гостиной шёл незнакомый голос — ровный, не громкий, с паузами в тех местах, где обычно ждут, что перебьют. Его не перебивали.

Когда мы вошли, разговор прервался.

Мужчина поднялся.

— Алекс. С днём рождения.

Он протянул мне деревянную коробочку, перевязанную тонкой зелёной лентой.

— Спасибо.

— Потом откроешь.

Я положил коробочку на полку у двери.

— Всё ещё не жалеешь? — спросил он, глядя на Нири.

Она подумала.

— Нет. Ни разу.

Бореас кивнул. Так кивают, когда слышали то, что собирались услышать.

— Когда ты сказала, что уходишь из дома, я был уверен, что через несколько лет ты передумаешь.

— Я тоже так думала.

Нири посмотрела на Артура.

— Но всё сложилось иначе.

Стало тихо.

— Значит, — Бореас тоже перевёл взгляд на Артура, — не жалеешь, что предпочла семейной торговле лук?

— Нет.

В этот раз она ответила быстрее.

— Если бы всё повторилось, — она сжала ладонь Артура, — я поступила бы так же.

Артур ничего не сказал. Накрыв её руку своей.

Бореас посмотрел на это и усмехнулся — первый раз с тех пор, как мы вошли.

— Похоже, спорить поздно.

— Уже лет семь как поздно, — сказала Али от окна.

Она стояла там всё это время и не сказала ни слова.

— А ты всё такая же.

— Надеюсь. Было бы обидно измениться в худшую сторону.

Кто-то засмеялся. Потом засмеялись ещё двое, и то, что стояло в комнате с самого утра, стало немного слабее.

Через некоторое время Бореас поднялся.

— Мне стоит выйти. Скоро начнут собираться гости.

Он посмотрел на Нири.

— Мы можем поговорить... позже?

Она отвела взгляд.

— Конечно.

* * *

Я вернулся к полке за коробочкой.

Лента была зелёная, узкая, завязана бантом. Бант сидел точно посередине и был затянут так, что петли получились одинаковой длины.

Нири завязывала иначе. У неё узел всегда съезжал к краю, потому что она тянула одной рукой, а второй держала.

Бореас приехал издалека, в повозке, с человеком, который возит с собой свои кормушки.

Значит, ленту завязывал не он. Кому-то за это заплатили.

Я поставил коробочку обратно и не стал её открывать.

Глава 5. Гости.

Первой пришла Настя.

Её я видел раньше — невысокая, с короткими каштановыми волосами, примерно ровесница Нири. Она работала в лечебнице, куда носили тех, кого приносили снизу. Разговаривали мы, кажется, дважды, и оба раза она спрашивала, не болит ли у меня горло.

В руках у неё была плетёная корзина.

— Наконец-то! — Нири вышла навстречу.

Они обнялись.

— Я вообще-то пришла вовремя.

— Могла бы и раньше.

— Конечно. Бросить работу и с утра прийти помогать тебе готовить.

— Именно.

Настя посмотрела на неё.

— Хорошо, что я всё-таки не пришла раньше.

Нири засмеялась и повела её в дом.

По дороге Настя забрала у неё из рук блюдо, посмотрела на него, переставила две вещи местами и понесла сама.

* * *

Следующие пришли вчетвером.

Первым в калитку вошёл широкоплечий мужчина лет сорока. Короткий меч на левом боку, поверх рубахи кожаная куртка с металлическими пластинами на плечах. Он вошёл, остановился на два шага внутрь двора и посмотрел по сторонам, прежде чем идти дальше.

Рядом шёл мальчишка примерно моего роста.

За ними ещё двое.

Одного я узнал: высокий, светлые короткие волосы, шрам над правой бровью. Он приходил к нам несколько раз.

Увидев отца, он ухмыльнулся.

— Всё-таки дожил.

— До чего?

— До дня, когда тебе придётся выполнять обещание и учить сына мечу.

— Я от него не отказывался.

— Конечно. Всего семь лет откладывал.

Артур покачал головой, но улыбался.

— Алекс. Иди сюда.

Я подошёл.

— Это Вик. Мы вместе ходим в подземелье.

— Вместе? — переспросил Вик. — Я регулярно спасаю твоего отца.

— Один раз.

— Дважды.

— Второй не считается.

— Конечно. Как удобно.

Женщина рядом с ним засмеялась. Она была моложе остальных, светло-русые волосы собраны сзади, в руках большая сумка, и от сумки шёл запах хлеба.

— Не слушай их, Алекс. Внизу они серьёзнее. — Она протянула мне руку. — Я Елена.

— Алекс.

— Знаю. Сегодня о тебе трудно не знать.

Она отдала сумку Нири.

— Здесь немного еды. Я не знала, что ты готовишь, поэтому взяла всего понемногу. Нири заглянула внутрь.

— Ты принесла половину лавки?

— Не половину. — Елена подумала. — Может быть, треть. Последним подошёл широкоплечий.

— Артур. Рад видеть.

Он пожал отцу руку.

— Глава гильдии и моего отряда, Хад, — сказал мне Артур.

Хад посмотрел на меня сверху и кивнул. Ничего не сказал.

Рядом с ним стоял его сын и разглядывал меня.

Я разглядывал его.

Он ничего не сказал.

Я тоже.

* * *

Двор наполнялся постепенно.

Кто-то двигал стулья, кто-то носил из дома миски. Вик поспорил с Еленой, донесёт ли он котёл один, и понёс один, и по дороге дважды остановился, но не поставил.

Посреди двора стоял длинный стол.

Я видел его собранным впервые. Ножки у него были резные — большие птицы с расправленными крыльями, четыре штуки, все одинаковые, и крылья заходили под столешницу так, что держали её.

Стулья вокруг стояли не только с торцов.

Я посчитал.

Двадцать два.

Вчера за ужином Артур перечислил, кто придёт. Стульев стояло вдвое больше.

— Зачем так много? — спросил я.

Артур услышал.

— Вдруг кто-нибудь заглянет без приглашения.

— И это нормально?

— Конечно.

Ответил не он.

— Если у соседа праздник, а ты проходишь мимо, — сказал Хад, — отказаться от приглашения будет невежливо.

— Особенно если хорошо пахнет, — добавил Вик.

— Тогда вообще без шансов.

Около стола засмеялись.

Значит, свободные места оставляют не под тех, кого ждут.

Их оставляют под тех, кого не ждут.

— Алекс. — Артур показал на стул во главе стола. — Сегодня здесь сидишь ты.

Я сел. Справа Артур, слева Нири, дальше Бореас.

Остальные разбирали места. Али остановилась у стула рядом с братом, посмотрела на стул, потом на Артура, потом опять на стул — и села.

Дальше устроились София и Настя. Вик выбрал место рядом с Настей и сделал вид, что выбрал случайно. Елена села напротив, рядом с Хадом и его сыном.

Ещё какое-то время передавали хлеб, просили подвинуть кувшин и подавали друг другу тарелки.

Потом Артур встал.

Он не стучал по столу и никого не звал. Просто встал, и стало тихо.

— Спасибо, что пришли.

Он оглядел стол.

— Сегодня Алексу исполнилось семь. Для него начинается новый этап. Надеюсь, рядом с такими людьми он вырастет достойным человеком.

И сел.

Всё.

— За Алекса! — Вик поднял кружку первым.

— За Алекса!

Я встал, потому что все смотрели.

И что теперь?

От меня чего-то ждали, и я не знал чего.

— Спасибо.

Этого было мало. Я это услышал сам.

— Я постараюсь не подвести.

Стало тихо.

Потом Вик хлопнул ладонью по столу и захохотал:

— Артур! Он говорит прямо как ты!

— Не самое плохое сравнение, — сказал Артур.

— Ещё какое хорошее, — кивнула Елена. — Хотя, надеюсь, разговаривать он всё-таки будет побольше.

Смеялись все.

Я сел и понял, что ответ был правильный, хотя выбирал я его наугад.

* * *

— Хм?

Нири повернула голову к забору.

Она сидела к нему почти спиной. За ней сразу повернулись Артур и Вик.

Ещё через мгновение между досками мелькнуло тёмное.

— Лиза, это ты? Заходи!

Забор стоял шагах в пятидесяти. Между нами был стол, восемь человек и шум.

Я посмотрел на Нири.

Она уже вернулась к разговору.

Во двор вошла девочка лет десяти-двенадцати, чёрные волосы до плеч. Она дошла до середины двора, остановилась и посмотрела не на стол, а на Али.

— Отец сказал, что к дяде Артуру приехала маг и покажет магию на празднике. Это правда?

Всё остальное её не интересовало.

— Правда, — сказала Али.

— Настоящую?

Али приподняла бровь.

— А бывают ненастоящие маги?

— Я не это имела в виду...

— Не мучай ребёнка, — сказала Нири и показала на свободные стулья. — Проходи. Садись.

Лиза не двинулась.

— Но я не на праздник. Я только посмотреть.

— Конечно, — сказал Артур. — Поэтому ты стоишь у ворот и уже сотню вдохов заглядываешь через забор.

Вик засмеялся. Лиза покраснела.

— Я не сотню!

— Тогда садись быстрее, пока Артур не начал считать.

Она помялась и села — подальше от взрослых, рядом с сыном Хада.

— Лиза, — спросил Вик, — как Ворт?

— Уже лучше. Сегодня выходил во двор. Правда, бабушка не разрешает ему брать меч.

— И правильно, — сказала Настя. — Пусть сначала восстановится.

— Передай, что мы его ждём, — сказал Хад. — Но не раньше, чем скажет целитель.

— Передам.

Перед Лизой уже стояла тарелка.

— Я правда не голодна, тётя Нири.

— Конечно.

В тарелке появилось мясо.

— Я недавно ела.

Следом овощи.

— Тогда поужинаешь ещё раз.

Лиза посмотрела на тарелку и взяла ложку.

* * *

Дальше я перестал успевать за столом.

Разговоров было три, потом четыре, потом опять три, и они не шли по очереди, а лежали друг на друге, и я пробовал слушать сразу все, потому что каждый из них был первым разговором взрослых, который я слышал не через стену: Настя говорила с Нири и Софией о ком-то, кого я не знал, и все трое знали его так давно, что имён не называли; Елена доказывала Хаду, что в следующий рейд нужно брать больше припасов, и доказывала уже не первый раз, судя по тому, как быстро он отвечал; Вик вмешивался в оба разговора и в каждом отвечал невольно к предыдущей реплике, а не к последней; кто-то передавал хлеб через весь стол, кто-то просил подвинуть кувшин, и одна и та же фраза могла относиться сразу к двум разным вещам, и никто, кроме меня, из-за этого не путался.

Я попробовал держать в голове хотя бы кто с кем.

Бросил на второй перемене мест.

Хоть бы кто-нибудь замолчал.

Я поймал себя на этом и остался сидеть.

Все они пришли сюда из-за меня. И каждый из них знал что-нибудь, чего не знал я.

Али почти не говорила и смеялась в тех местах, где смеялись не все.

Бореас молчал.

Он несколько раз собирался что-то сказать Нири и каждый раз находил, чем занять руки.

— Насколько я понимаю, ваша компания занимается торговлей? — спросил Хад.

— Занимается.

— Артур упоминал.

— Надеюсь, только хорошее.

— В основном.

— Хад, — сказал Артур.

— Я же сказал: в основном.

Вик засмеялся. Бореас улыбнулся.

— Тогда мне даже интересно узнать остальное.

— Как-нибудь в другой раз, — сказал Артур.

— А снаряжением вы торгуете?

— Иногда. В основном металл, инструменты, готовые изделия. В особых случаях сырые магорганы. Оружие и доспехи бывают, но мы их продаём в городах.

— Жаль.

— Вам нужно что-то конкретное?

— Нам всегда нужно что-то конкретное.

— Особенно после рейдов, — сказал Вик.

— Особенно после твоих рейдов, — сказала Настя.

— А что не так с моими рейдами?

— После них у нас больше работы.

— Потому что мы возвращаемся живыми.

— Не всегда целыми.

Смеялись почти все. Бореас тоже.

— Сложнее всего с бронёй, — продолжил Хад. — Обычные пластины долго не держат. Особенно внизу. Другие одевать не выгодно.

— Насколько далеко вы спускаетесь?

— Обычно до нижних исследованных этажей. Дальше — при необходимости.

— И часто приходится менять снаряжение?

— Достаточно часто, чтобы Артур вчера выбросил половину сарая, — сказал Вик.

Артур продолжал есть.

— Не половину.

— Хорошо. Треть.

— Меньше.

— Я видел тележку, — сказал я.

Артур посмотрел на меня.

Вик захохотал:

— Вот. Собственный сын тебя выдал.

— Я ничего не скрывал.

— Конечно.

Бореас улыбнулся ещё раз. За столом он держался свободнее, чем в доме.

— Возможно, я найду для вас кое-что подходящее, — сказал он Хаду. — Но сначала нужно понять, что именно вам нужно и с чем вы сталкиваетесь внизу.

— С этим проблем не будет.

— Тогда поговорим позже.

— Обязательно.

Они замолчали.

Потом Бореас спросил сам:

— Артур говорил, что в последнее время с нижних этажей начали подниматься магверы.

Насколько всё серьёзно?

Хад не спешил.

— Пока недостаточно, чтобы беспокоиться.

— Но достаточно, чтобы следить?

— Да.

Второй раз за два дня. Вчера — Али. Сегодня — Бореас.

Оба спросили не «что это», а «насколько».

Что это такое, здесь знают все, кроме меня.

— Если уж заговорили о припасах, — сказал Хад, — Елена, я сразу говорю: нет.

— Я ещё ничего не сказала.

— Зато я знаю, что ты собиралась сказать.

— Не знаете.

— Больше припасов на следующий рейд.

Елена помолчала.

— Хорошо. Знаете.

— Нет.

— Вы даже не дослушали.

— Дослушал.
— Я ещё не закончила.
— Но уже понял, к чему ты ведёшь.
— Тогда тем более должны согласиться.
Хад отложил ложку.
— Если мы возьмём больше припасов, кто их понесёт?
Елена показала на Вика.
Вик перестал жевать.
— Почему я?
— Потому что ты только что хвастался, что поднимешь кабана одной рукой.
— Я не хвастался. Я рассказывал.
Настя засмеялась. Вик посмотрел на неё.
Я тоже.
Вот почему он сел именно здесь.
— И вообще, — продолжил Вик, — Артур сильнее меня.
— Не впутывай меня.
— Предатель.
— Ты сам начал.
— Хорошо, — кивнула Елена. — Тогда понесёте вдвоём.
— Нет, — сказал Хад.
Смеялись уже все. Даже Артур.
Я смотрел на отца.
Дома он смеялся не так. Дома он вообще редко смеялся.
Семи лет хватает, чтобы знать человека, и не хватает, чтобы знать о нём всё.

* * *

— А ты правда учишься мечу?
Сын Хада заговорил впервые за вечер.
— Пока только сам.
— Сам?
— Отец обещал начать после семилетия.
Он посмотрел на Артура. Потом опять на меня.
— Мой брат тоже учится.
— Старший?
Он кивнул.
— В городе. Отец говорит, он почти закончил второй круг.

Второй круг?

Значит, есть первый. И, скорее всего, третий.

Я собирался спросить, но Хад услышал:

— До окончания ему далеко.

— Но он сам сказал...

— Поэтому и далеко.

Мальчик нахмурился. Хад продолжил есть.

— А тебя как зовут? — спросил я.

Он замер.

Потом посмотрел на меня так, будто только сейчас понял, что за весь вечер не представился.

— Рен.

— Алекс.

— Я знаю.

Мы помолчали.

Рядом фыркнула Лиза. Я посмотрел — она отвернулась.

— А ты тоже учишься мечу? — спросил я.

— Нет.

Ответ пришёл слишком быстро.

— Я вообще не хочу быть воином.

— А кем хочешь?

Она пожала плечами.

— Не знаю.

И сразу посмотрела на Али.

— Магом?

Лиза покраснела второй раз за вечер.

— Я не говорила такого.

— Но хочешь?

Она помолчала.

— Может быть.

Потом наклонилась ближе.

— Ты уже видел настоящую магию?

— Вчера.

— И?

Я вспомнил казан, который сам доплыл до стола.

— Удобно.

— Удобно?

— Можно посуду расставлять.

Лиза смотрела на меня.

— Ты странный.

Возможно.

Но Али вчера действительно начала с посуды.

— Она ещё что-нибудь показывала?

— Нет.

— Совсем?

— Обещала сегодня.

— И когда?

— Не знаю.

Лиза расстроилась. Я начинал задаваться тем же вопросом.

* * *

Солнце опускалось.

На столе появлялись новые блюда, одни разговоры кончались, другие начинались сами. И кое-что становилось понятнее.

Вик был ближе к Артуру, чем остальные: он всё время втягивал его в разговор и дважды заставил оправдываться за то, о чём отец предпочёл бы промолчать. Елена знала всех хуже других, но через час уже спорила с Софией о том, что случилось в деревне до её приезда. Настя говорила мало — и Вик замечал каждое её слово. Хад почти не вмешивался, но стоило кому-то сказать «внизу», как все начинали смотреть в его сторону.

Бореас всё ещё поглядывал на Нири.

А Али сидела рядом с Артуром, и они несколько раз обменялись короткими фразами. Ничего особенного. Но того, что стояло между ними у ворот, я больше не видел.

Или они убрали это туда, где я не увижу.

— Ну что?

Она смотрела прямо на меня. Я не сразу понял, что обращаются ко мне.

— Что?

— Вчера один мальчик весь вечер просил показать магию. — Она положила локоть на стол. — А сегодня сидит и молчит.

Лиза выпрямилась и забыла про еду.

— Я жду, — сказал я.

— Терпеливый. Это хорошо.

Али поднялась.

Разговоры начали стихать. Лиза не моргала. Рен повернулся. Взрослые замолчали не сразу, но замолчали.

Али отошла от стола на несколько шагов и остановилась посреди двора.

— Хорошо.

Она оглядела собравшихся. Потом посмотрела на меня.

— Раз обещала — пора показать тебе магию.

Огонь в факелах дрогнул.

А потом вспыхнул в несколько раз ярче.

Пламя заметалось из стороны в сторону, будто на двор обрушился ветер.

Воздух не двигался. Я проверил — ни один волос у меня на руке не шевельнулся.

Вместе с огнём пришли в движение тени.

От стола.

От стульев.

От людей.

От дома и забора.

Все они вытянулись, поползли по земле и потянулись к Али.

Она приподняла руку.

Щёлк.

Пламя успокоилось. Тени вернулись на места.

Всё стало таким, каким было.

Али сделала шаг вправо.

Я моргнул.

Она осталась на месте.

И одновременно стояла на шаг правее.

Вторая Али улыбнулась так же, как первая.

Шаг влево.

Теперь их было три.

Я переводил взгляд с одной на другую и искал отличие.

Не нашёл.

Силуэты начали темнеть. Сначала ушли цвета одежды. Потом лица. Ещё через мгновение на их месте стояли три фигуры, целиком состоящие из непроглядного.

Они начали расти.

Руки вытягивались. Тела меняли форму. Тьма внутри силуэтов двигалась не переставая, будто никак не могла решить, чем именно хочет стать.

Человеческие очертания исчезли.

Теперь перед нами стояли три четвероногих зверя.

Ещё мгновение — и тьма отступила.

Посреди двора стояло существо размером с половину дома. Лапы упирались в землю. За спиной были сложены крылья. Передняя часть тела была птичья.

Существо повернуло голову ко мне.

И заговорило голосом Али:

— Знакомься, Алекс. Это кьор — хранитель гор и гербовое животное семьи Уоррен.
Пауза.

— Нашей семьи.

Два других зверя были похожи на огромных крылатых лошадей. Между перьями первого пробивалось тёмно-зелёное свечение, грива второго мерцала жёлтым.

— А это врастлы, хранители дороги, — сказали они голосом Али. — Они на гербе семьи твоей матери. Семьи Ротто.

Один врастл повернул голову к Нири.

Второй — к Бореасу.

Кьор шагнул вперёд.

Земля под лапой дрогнула — я почувствовал это через стул.

Он расправил крылья, и они заслонили половину двора.

Раздался птичий крик.

Тьма изменилась.

Все тени во дворе налились фиолетовым светом.

Тьма не должна светиться.

Но она светилась.

Кьор оттолкнулся от земли. Крылья ударили, и зверь поднялся над двором. Следом взлетели врастлы.

Три существа понеслись над домами, и вместе с ними по крышам, по забору и по земле пошли тени, которые они отбрасывали, — не чёрные, а тёмно-фиолетовые, и они шли не под ними, а с опозданием, будто догоняли; и в соседнем дворе кто-то вышел на крыльцо, а через два двора кто-то закричал, и я услышал этот крик, но не обернулся, потому что оборачиваться было некогда.

Кьор набирал высоту, складывал крылья, падал вниз и в последний момент снова уходил вверх. Врастлы разошлись в стороны — один оставлял тёмно-зелёный след, второй жёлтый. Они двигались независимо друг от друга.

Пересекались.

Расходились.

Снова сходились над двором.

Я уже не пытался понять, как это сделано.

Просто смотрел.

Потом все трое одновременно замерли высоко в воздухе.

И взорвались.

Небо над деревней стало фиолетовым, зелёным и золотым.

Стало светло почти как днём.

А потом всё исчезло.

Я продолжал смотреть вверх.

— Ну как тебе?

Али сидела на своём месте за столом. Там же, где сидела всё время с начала застолья.

Она улыбалась.

Плечи у неё были подняты, а правую руку она убирала под стол — медленно, придерживая её левой.

А отвечать-то что?

Глава 6. Гости разъезжаются.

— Огоо!

Лиза закричала на весь двор.

Стеснения в ней не осталось. Она соскочила со стула и добежала до Али раньше, чем я успел придумать, что ответить.

— Это было настоящее? Они правда летали? А ты можешь ещё раз? А ещё что-нибудь покажешь? А их можно потрогать? А они настоящие или только видно?

Али засмеялась.

— По одному.

— Но...

— По одному.

— Хорошо...

Отвечать мне больше не требовалось. Вопрос перешёл к тому, у кого их было больше.

— Их можно было потрогать?

— Нет.

— Почему?

— Потому что трогать нечего.

Лиза не поняла и не стала это скрывать.

— Свет и тень, — сказала Али. — Больше там ничего не было.

— Но он шагнул. И земля дрогнула.

— Земля не дрогнула.

Лиза посмотрела под ноги.

Я тоже посмотрел.

Двор был утоптаный, ровный, с двумя лунками у ножек стола, которые я видел здесь и вчера. Никакого следа. Ни вмятины, ни трещины, ни выброшенной земли.

А я сидел на этом стуле и почувствовал через него, как оно дрогнуло.

Либо она сказала неправду. Либо мне это показалось.

Получается, себе тоже не верить?

Я посмотрел на землю ещё раз, дошёл до места, где стояла лапа, и потрогал её рукой. Земля была утоптанная и холодная, как везде.

— А я могу так научиться? — спросила Лиза.

Али помолчала.

— Спроси меня об этом лет через пять.

— Почему через пять?

— Потому что через пять ты согласишься по-другому.

Лиза расстроилась и тут же придумала следующий вопрос.

Я остался сидеть и смотреть на двор.

Минуту назад над деревней летали существа, которых в прошлой жизни я встречал только в книжках.

Сейчас Елена собирала со стола пустые тарелки.

Вик носил блюда в дом. Хад негромко говорил о чём-то с Артуром. Настя составила три миски в стопку и понесла, обойдя Вика по дороге.

Никто не попросил повторить.

Я подумал, что они привыкли к магии.

Потом посмотрел ещё раз и понял, что дело не в этом: они убрали со стола, потому что праздник кончился, а посуду всё равно кто-то должен нести. Одно не отменяло другого.

К чему привыкли — я проверить не мог. Проверить я мог только то, что руки у всех были заняты.

Я взял четыре миски и понёс.

До крыльца дошёл нормально. На ступеньке верхняя поехала, и я поймал её подбородком.

Поставил всё на лавку и постоял.

Руки от вчерашнего не отошли. Плечо снова упёрлось в ту же стенку под лопаткой, только теперь на четырёх мисках, и это было хуже, чем на палке: палку я поднимал сам, а миски мне дали.

Дальше я носил по две.

* * *

Бореас отошёл к воротам, и Нири пошла за ним.

Я не собирался слушать. Двор был небольшой.

— Твоего решения я так и не одобрил.

Он замолчал.

— Но вижу, что ты счастлива. Это главное.

Нири опустила взгляд.

Потом шагнула вперёд и обняла его.

Бореас стоял. Долго — дольше, чем стоят, когда просто не успели.

Потом обнял её в ответ.

Больше они ничего не сказали.

* * *

Первым ко мне подошёл Вик. В руках у него был свёрток.

— Держи.

Я развернул ткань.

Внутри лежали кожаные перчатки. Обычные, плотные, без всего. Шов на ладони шёл двойной, а на правой ещё и накладка — узкая полоса, пришитая поперёк.

— Парень, через пару седмиц ты на них молиться будешь.

Я посмотрел на Артура.

Он усмехнулся.

— Скоро поймёшь почему.

Оба знали что-то, чего не знал я, и оба не собирались говорить.

Я померил. Перчатки были велики на два пальца.

— Спасибо.

— Потом спасибо скажешь. Когда руки перестанут кровоточить.

Вик сказал это со смехом.

Никто за столом не поправил его и не сказал, что он преувеличивает.

Следующей подошла София и протянула книгу, перевязанную бечёвкой.

— Твоя первая учебная книга.

Я открыл.

На первых страницах шли крупные знаки по одному. Дальше по два и по три. Ещё дальше страницы становились плотнее, и в конце текст шёл сплошняком.

Я вернулся к началу и посмотрел на первый знак.

Его я уже видел сегодня — на доске у её крыльца, в самом верху.

— Через три дня начнём. Так что советую хотя бы полистать.

— Обязательно.

— Верю.

— Тогда и мой, — сказала Настя.

Она протянула вторую книгу, заметно толще.

Внутри были рисунки растений: лист, корень, цветок, рядом короткие подписи. Некоторые рисунки повторялись дважды — целое растение и отдельно кусок стебля в разрезе.

— Справочник лечебных трав. — Она забрала книгу у меня из рук, открыла на нужном месте и отдала обратно. — Вот эту запомни первой. Она растёт у нас за колодцем, и её путают.

— С чем?

— С той, что на соседней странице.

Я посмотрел на соседнюю страницу.

Рисунки отличались формой края листа. Больше ничем.

— Даже если не станешь целителем, когда-нибудь пригодится.

Хад подошёл последним. У него в руках была тонкая книга.

Я открыл.

Текста почти не было. Только рисунки. Люди с мечами, с копьями, с топорами. Одни стояли прямо, другие пригибались, третьи держали оружие не так, как я видел у отца.

— Твой отец научит тебя обращаться с мечом, — сказал Хад. — Научит охотиться.

Он перевернул несколько страниц.

На одной человек стоял без оружия. Напротив него другой держал короткий нож. На следующей — копьё. Потом сразу двое.

— Но враг не всегда будет зверем. И не всегда придёт с мечом.

Он закрыл книгу.

— Не пытайся запомнить движения. Пытайся понять, почему человек стоит именно так.

— Спасибо.

Хад кивнул.

— Надеюсь, однажды она тебе пригодится.

Он не сказал «когда подрастёшь». И не забрал её обратно, чтобы отдать позже.

* * *

Последним подошёл Бореас.

В руках у него была та самая коробочка с зелёной лентой.

Ленту он развязал сам, одним движением, и она распалась.

Внутри лежал нож. Тонкое узкое лезвие, рукоять из тёмного дерева. На торце рукояти была закреплена круглая металлическая печать.

— Это нож для писем.

Он взял его и повернул печатью ко мне. На металле был выбит герб: крылатая лошадь.

Та же, что стояла во дворе полчаса назад.

— Знак семьи Ротто.

Он помолчал.

— Если однажды захочешь написать мне письмо, достаточно поставить эту печать. Я пойму, от кого оно пришло.

Он положил нож обратно.

— Ты мой внук. И всегда можешь обратиться ко мне за помощью.

Я держал коробочку и не отвечал.

Нож весил меньше перчаток. Но у остальных подарков было понятно, что с ними делать и когда начинать. Учебная книга — через три дня. Справочник — когда пойду за травами. Перчатки — когда начнутся тренировки. Книга Хада — «однажды».

А этот работал один раз.

Написать деду можно и дважды, и трижды. Но просьба — она одна. Второй раз она уже не будет первой.

— Благодарю.

Бореас улыбнулся.

— Надеюсь, пользоваться им тебе придётся часто.

* * *

Гости начали расходиться.

Хад пожал руку Артуру и что-то сказал ему коротко, у самой калитки. Артур кивнул. Рен прошёл мимо меня и остановился.

— В следующий раз покажешь.

— Что?

— Как ты машешь.

И вышел за отцом.

Елена обняла Нири. Настя ещё раз напомнила Вику зайти в лечебницу, если он снова заработает царапину.

— Это не царапины. Это боевые заслуги.

— Через седмицу придёшь ко мне с «боевыми заслугами».

— Конечно приду. Куда же ещё.

Оба засмеялись.

Лиза уходила последней из детей и всю дорогу до калитки оборачивалась на Али.

Повозка Бореаса ушла за поворот. Следом ушли остальные.

Во дворе стало тихо.

* * *

Я пошёл к столу за подарками и остановился, не дойдя.

У ворот стояли двое.

Артур опирался на створку. Али стояла к нему боком, и мантия в темноте была не серой, а никакой.

Я не собирался слушать во второй раз за вечер. Но идти к столу мимо них было ближе, чем в обход, а в обход выглядело бы так, будто я обхожу.

Я остался, где стоял.

— Ты видел, — сказала Али.

— Видел.

— И ничего не спросишь.

— Нет.

Она помолчала.

— Восемь лет, Артур.

— Восемь.

— Я приехала.

— Я заметил.

Створка скрипнула — он перенёс вес.

— Я не звал тебя не приезжать, — сказал отец. — Я просил другого.

— Я помню, о чём ты просил.

— Тогда ты знаешь, почему я не спрашиваю.

Дальше они не сказали ничего.

Али первой пошла обратно к столу. Артур остался у ворот и закрыл створку — сначала одну, потом вторую, и вторая шла туго, и он подналёг.

За семь лет я ни разу не видел, чтобы наши ворота закрывали на ночь.

* * *

Али села за стол.

Она сидела одна, и правая рука лежала на коленях, повёрнутая ладонью вверх. На столе перед ней стояла кружка, к которой она не притронулась.

Я подошёл.

— Ты не ответил, — сказала она.

— Не успел.

— Отвечай теперь.

Я подумал.

Красиво — это сказала бы Лиза. Она уже сказала, и повторять смысла не было.

— Сколько это стоило?

Али подняла голову.

— Что?

— Ты сидишь. Все убирают, а ты сидишь.

Она посмотрела на меня внимательнее, чем смотрела весь вечер, включая утро с шаром.

Потом взяла кружку левой рукой.

— Меньше, чем кажется, — сказала она. — И больше, чем нужно.

Она отпила.

— Иди спать, Алекс. Тебе семь лет.

Это был не ответ.

Но ответы у неё сегодня выходили именно такие: сказано вслух, а спросить дальше не за что.

* * *

Подарки лежали на краю стола, где я их сложил.

Перчатки.

Три книги.

Нож в коробочке.

На шее висел амулет Марна.

До сегодняшнего дня моим были палка, миска и одеяло.

Я стоял и смотрел на них, и в этом было что-то неправильное, чего я сразу не назвал.

Потом назвал.

Никто не подарил игрушку.

Никто не подарил сладости.

Никто не спросил, чего я хочу сам.

Вещи выбирали разные люди, и ни один не повторился — агодились они все для одного и того же. Для того, что начиналось завтра.

Учиться. Ходить за травами. Махать мечом. Стоять правильно. Написать, если станет совсем плохо.

Занятия через три дня. Тренировки — после праздника, а праздник кончился час назад.

Раньше у меня были все дни, и я тратил их на палку, потому что больше было не на что.

Теперь на них стояла очередь.

Я собрал вещи со стола.

Перчатки велики на два пальца. Книгу Софии я открою завтра. Книгу Хада — тоже завтра, и её лучше открывать так, чтобы не спрашивали, что я в ней разглядываю.

У всех на меня свои планы, и планы у всех разные.

Значит, нужен ещё один.

Свой я составлю позже — сначала надо узнать, из чего его вообще собирают в этом мире. В прошлый раз я не составил никакого и прожил по чужому до самого конца.

В доме кто-то двигал стул.

Я взял всё в охапку и пошёл к двери.

* * *

У себя я разложил их на полу, потому что на лавку они не помещались.

Место у меня было одно — угол между лавкой и стеной, куда влезали миска и свёрнутое одеяло. Раньше этого хватало. Палка стояла во дворе и в комнату не заходила ни разу.

Три книги легли стопкой и заняли половину угла.

Коробочка с ножом встала сверху, потому что на пол её ставить не хотелось. Перчатки я положил рядом и повернул накладкой вверх, чтобы утром сразу увидеть, какая правая.

Амулет я снял и подержал в руке. Дерево остыло, пока я стоял во дворе, и стало обычным. Получилось две стопки и одна вещь отдельно.

Я посмотрел на это и ещё раз подумал, что за весь день ни одну из них не выбрал.

За стеной Нири что-то сказала, и Артур ответил коротко. Слов я не разобрал — только то, что второй раз она не переспросила.

Я лёг.

Рука ныла с самого низа, от кисти, — за вечер она успела дойти и туда.

Завтра он поведёт меня на охоту. Или не поведёт и скажет, что сначала нужно другое. Я не знал, чего жду; знал только, что впервые за семь лет жду не следующего утра во дворе.

Семь лет назад я решил, что проживу эту жизнь иначе. Что означает «иначе», я тогда не понял и отложил, потому что времени было много.

Времени, оказывается, не так много.

Я закрыл глаза и стал вспоминать по порядку всё, что слышал за два дня.

Начал с плетунов.

Глава 7. Первое утро.

Я проснулся ещё до рассвета.

За окном только начинало сереть. В доме стояла особая тишина — такая бывает после большого шума. Ещё вчера здесь смеялись, спорили и двигали стулья, а теперь было слышно, как в камине потрескивают угли.

Со двора доносился знакомый звук.

Короткий свист. Пауза. Снова свист.

Отец уже тренировался.

Я оделся и вышел из комнаты. В гостиной пахло вчерашней едой и погасшими свечами. Вымытая посуда стояла ровными стопками — мать, видимо, закончила уборку далеко за полночь.

Во дворе было прохладно. Трава потемнела от росы.

Артур стоял между крыльцом и деревом. Меч в его руках двигался медленно и спокойно — так он обычно заканчивал тренировку, а не начинал её.

Праздничный стол уже был разобран. Стулья составлены у сарая.

Как будто ничего и не было.

Я посмотрел в сторону ворот.

Пусто.

Ни огромной чёрной лошади. Ни кормушек. Даже примятая трава у столба, где она простояла два дня, успела подняться.

— Тётя Али уехала?

Артур закончил движение и только потом обернулся.

— Ещё вчера.

— Ночью?

— Это её время, — пожал плечами отец.

Я ещё раз посмотрел на пустое место у ворот.

Она не попрощалась. И, если подумать, единственная из всех гостей ничего не подарила.

Зато вчера утром был тот шар.

Который она так и не объяснила.

Артур убрал меч в ножны и оглядел меня с головы до ног.

— Раз уж встал — начнём.

Я не ответил сразу.

Четыре года — это около тысячи четырёхсот утр во дворе с палкой. За тысячу четырёхсот утр я успел много раз представить, как он это скажет.

Он сказал короче.

— Мне взять палку?

— Она тебе больше не понадобится.

Он кивнул на ворота.

— Видел поваленное дерево у поворота дороги?

— Видел.

— Туда и обратно. Десять раз. Я скажу, когда хватит.

Я посмотрел на него.

Потом на ворота.

Потом снова на него.

— А... меч?

— Меч от тебя никуда не денется, — Артур сел на лавку у стены. — Сначала посмотрим, что у тебя есть, кроме палки.

Первый круг дался легко.

Второй тоже.

На третьем воздух стал густым. Ноги отяжелели, а дорога до поворота будто выросла вдвое. К пятому кругу я уже не бежал — переставлял ноги, стараясь не считать, сколько осталось.

Палкой я мог махать полдня.

А обычный бег закончил меня за несколько минут.

Выходит, это совсем разные вещи.

В прошлой жизни я не бегал вовсе — годы за столом и экраном.

Это тело росло иначе. А махи палкой развивают только то, что машет.

На седьмом круге Артур поднял руку.

— Хватит.

Я остановился, упёршись руками в колени. Двор медленно покачивался.

— Ты сказал... десять.

— Сказал. А ещё сказал, что скажу, когда хватит.

Он протянул мне ковш с водой.

— Запомни оба.

Вода была ледяной и удивительно вкусной.

— Я могу ещё.

— Можешь, — легко согласился отец. — А завтра не сможешь встать. Ты так уже делал.

Помнишь, чем закончилось?

Я помнил.

День перед праздником. Руки, отказавшиеся поднять палку ещё до заката.

— Сила приходит не тогда, когда падаешь без ног. А когда на завтра встанешь и делаешь столько же.

Он забрал пустой ковш и ушёл в сарай.

Вернулся с деревянным мечом.

— Держи.

Меч лёг в руку непривычной тяжестью. Свежевыточенное дерево, гладкая рукоять, простая гарда. Размер — точно под мою ладонь.

Такой не сделаешь за вечер.

«Лучше быть готовым заранее. Это хорошая привычка».

Отец готовился к этому дню давно.

Я встал на привычное место. Взял меч так, как привык брать палку.

— Покажи, что намахал.

Первая связка. Та самая, подсмотренная из окна много лет назад.

Артур смотрел молча. Без одобрения и без насмешки — так смотрят на работу, которую предстоит принимать.

Потом подошёл.

— Замри.

Он присел рядом и начал молча переставлять мои пальцы. Один. Второй. Развернул кисть. Опустил локоть.

— Держишь, как топор. Так дрова рубят.

Хват сразу стал чужим.

Меч, который только что лежал в руке как влитой, вдруг перестал слушаться.

— Так неудобно.

— Правильно, — спокойно сказал отец. — Неудобно. Привыкай заново.

Взмах.

Клинок вильнул в сторону.

Ещё взмах.

Снова.

Как в самый первый день.

Годы утренних тренировок во дворе. И, выходит, всё это время я закреплял ошибку.

Само — не значит правильно.

Неприятная мысль.

В прошлой жизни я всегда учился сам и был уверен, что этого достаточно. «Сам разберусь, когда понадобится». Видимо, у этого способа с самого начала была цена.

Просто раньше никто не переставлял мне пальцы.

Артур ещё какое-то время молча наблюдал за моими взмахами.

— Кисть уже не гуляет, — вдруг сказал он. — Быстро привыкаешь.

Он подошёл и положил ладонь мне на голову.

— Хорошее начало.

Всего два слова.

Но махать почему-то стало легче.

К концу тренировки правая ладонь горела. Новый хват тёр совсем в других местах: у основания пальцев кожа покраснела и вздулась.

Артур глянул на мои руки.

— Перчатки Вика где?

— В комнате.

— Завтра надень.

Он поднялся с лавки.

— Вик в таких вещах не ошибается.

«Через пару седмиц ты на них молиться будешь».

Похоже, Вик с самого начала знал, что именно мне предстоит.

За завтраком мать поставила передо мной кашу, посмотрела на мои ладони и перевела взгляд на отца.

— В первый же день?

— Он сам встал до рассвета, — невозмутимо ответил Артур.

Нири покачала головой. Потом молча поставила рядом с моей миской маленькую глиняную баночку.

— Мазь. На ночь вотри.

Пахла она горько и незнакомо.

Из лечебницы? Или Нири сама делает... Ещё один вопрос.

— Скупщик опять поднял цену на магорганы с нижних этажей, — сказал Артур, отодвигая пустую миску. — Второй раз с прошлой недели.

— Насколько?

— На треть.

Нири на мгновение перестала разливать отвар.

— Из-за прилива?

— Из-за него всё, — отец пожал плечами. — Пока снизу поднимаются, вниз никто не ходит. Товара нет — цена растёт.

— А Хад что говорит?

— Что торопиться некуда. Прилив сам покажет, когда его ждать.

Дальше они заговорили о починке забора, и я перестал вслушиваться.

Магорганы.

Это слово я слышал на празднике — от деда. Тогда оно прозвучало между делом, как что-то очевидное для всех. Теперь чуть яснее: их добывают внизу, ими торгуют, и цена растёт, потому что вниз никто не ходит.

Что это такое — по-прежнему неизвестно.

Я мысленно добавил слово в список.

Список рос быстро. Магия. Звёзды. Круги. Демоны. Подземелье. Прилив. Теперь ещё магорганы.

Дом дал мне всё, что мог.

Дальше нужны другие источники.

Послезавтра — занятия у Софии. Посмотрим, на сколько вопросов она готова отвечать.

* * *

Дом Софии встретил меня запахом сушёных трав и чем-то кисловатым — наверное, чернилами.

В комнате для занятий стояли три низкие скамьи. Всю дальнюю стену занимала тёмная доска, исписанная рядами белых знаков.

Кроме нас, никого не было.

— Остальные приходят после обеда, — сказала София, заметив мой взгляд. — Сначала я хочу понять, с чего начинать с тобой.

Она положила передо мной деревянную дощечку, залитую воском, и тонкую палочку.

— Помнишь книгу, которую я подарила?

— Листал.

— И как?

— Буквы запомнил. Не все звуки понял.

София моргнула.

— Запомнил... сколько?

— Все. Их же тридцать две. Это немного.

Несколько мгновений она смотрела на меня.

Потом рассмеялась — легко, как тогда, у крыльца.

— Что ж. Азбуку мы прошли быстрее, чем я рассчитывала.

Скрывать память смысла нет.

Быстро учащийся ребёнок — повод для родительской гордости, не для подозрений.

Прятать стоит не способности. Прятать стоит то, что нельзя объяснить из-за возраста.

Дальше пошли звуки и слоги.

Читать оказалось проще, чем писать. Пальцы, сбитые утренним мечом, слушались плохо, и знаки выходили кривыми, словно их выцарапывала курица.

К концу занятия я всё-таки вывел на воске своё имя.

Криво.

Но читаемо.

— Для первого раза очень хорошо, — София посмотрела на дощечку. — Обычно на буквы уходит месяц.

— А что после букв?

— Слова. Потом простые тексты.

— А после текстов?

Она чуть наклонила голову.

— А чего ты хочешь после текстов?

— Всего.

Я подумал и уточнил:

— Всего, что записано.

София рассмеялась.

— Тогда учись быстрее. Само себя оно не прочтёт.

— А много в деревне записанного?

Вопрос, кажется, застал её врасплох.

Она задумалась. По-настоящему, не для вида.

— У меня — полка. У Марна в храме — ещё одна. У целителя свои записи, но это по ремеслу...

Она развела руками.

— Пожалуй, всё.

Две полки.

На всю деревню.

Теперь понятно, почему здесь учат разговорами.

Я посмотрел на доску, исписанную рядами знаков.

Сначала — научиться читать.

А где брать то, что читать, — вопрос следующий.

Список пополнился ещё одним пунктом.

Ещё через два дня пришла очередь храма.

Внутри было прохладно и пусто. Утренний свет лежал на каменном полу широкими полосами. У дальнего окна пожилая женщина перебирала сушёные травы — кажется, та самая, что в день моего семилетия читала здесь книгу.

Марн вышел из бокового прохода. Выглядел он так, будто его в очередной раз оторвали от работы.

И будто он этому рад.

— А, Алекс. Пойдём. Разговаривать удобнее сидя.

Мы сели на скамью у окна.

И чему учит священник? Молитвам? Правилам?

Если правилам — несложно. Выучить правила и соответствовать им я умел всегда.

— Ну, как тебе первые дни второго семилетия? — спросил Марн.

— Устаю.

— Честно, — одобрительно кивнул он. — Кстати, ты ведь уже слышал это. Второе семилетие. Знаешь, что оно значит?

— Что мне исполнилось семь?

— И это тоже.

Марн откинулся на спинку скамьи.

— Первые семь лет человек живёт беззаботно. Играет, растёт и ни за что не отвечает. Вторые семь — учится. Чтению, счёту, ремеслу, оружию — каждый по своей дороге. А третьи семь — становится на ноги. Своё дело, свой дом, своя семья.

— А потом?

— А потом человек считается состоявшимся и живёт, как сам решит. — Марн развёл руками. — Так заведено у людей с давних времён.

Я мысленно отметил это «у людей».

Похоже, где-то заведено иначе.

Пока — в список.

— То есть у меня начались учебные семь лет, — сказал я. — Поэтому учителей сразу трое?

— Поэтому, — согласился Марн. — София научит тебя тому, что люди знают. Отец — тому, что люди умеют. А я...

Он на мгновение задумался. Было похоже, что этот вопрос он каждый раз решает заново.

— Скажем так. Я буду задавать вопросы.

— Какие?

— Например, такие. Чем взрослый отличается от ребёнка?

Если бы он знал, кому задаёт этот вопрос.

Правильный детский ответ лежал где-то между «ростом» и «взрослым можно всё». Я выбрал средний путь.

— Взрослый сам отвечает за свои дела?

— Хм.

Марн посмотрел на меня чуть внимательнее, чем мне хотелось бы.

— Многие взрослые ответили бы хуже.

С ответами при нём стоит быть осторожнее.

— И ещё один, потруднее. На него не отвечай — просто подумай до следующего раза.

Он поднялся со скамьи.

— Учиться человек может всю жизнь. А жить беззаботно — только первые семь лет.

Почему же тогда почти никто не жалеет, что детство заканчивается?

Вопрос показался простым.

Потом я попробовал ответить.

И понял, что все ответы, которые приходят в голову, отвечают на какой-то другой вопрос.

Уже на выходе я обернулся.

Аарн смотрел со своего места спокойно, одной рукой приглашая подойти, другой указывая куда-то вперёд.

В руках у него была раскрытая книга.

Не меч. Книга.

Для веры, которая велит учить детей, — очень последовательный выбор.

Чему именно учит Марн, я так и не понял.

Но вопросы у него оказались интереснее, чем я ожидал.

К концу недели дни выстроились в распорядок.

Подъём до рассвета. Бег до поваленного дерева, пока отец не скажет «хватит» — с каждым днём он говорил это чуть позже. Потом деревянный меч. Новый хват, медленные взмахи, один за другим, будто я снова учился с нуля.

Потом отец уходил — с отрядом, к подземелью. А я шёл к Софии, царапал воск, читал по слогам. Раз в несколько дней — храм и вопросы Марна, на которые не находилось быстрых ответов. Вечером — мазь на ладони и книга при свече, пока мать не прогоняла спать.

Перчатки Вика я больше не снимал. На третий день стало ясно: без них я не продержался бы и половины тренировки.

Молиться на них я пока не молился.

Но было близко.

Тело болело всё время. Не резко — ровно, фоном. К этой боли оказалось неожиданно легко привыкнуть.

Её можно было считать.

Вчера — семь кругов. Сегодня — восемь. Вчера клинок вильнул на каждом третьем взмахе. Сегодня — на каждом пятом.

В прошлой жизни всё важное происходило у меня в голове. Запомнить, сопоставить, найти шаблон — этого хватало почти всегда.

Здесь так не работало.

Нельзя запомнить восьмой круг.

Его можно только пробежать.

Это раздражало.

И почему-то успокаивало.

Всё, что в той жизни доставалось без усилий, в итоге ничего не стоило.

Посмотрим, чего будет стоить то, что без усилий не даётся вообще.

Перед сном я добавил в список ещё два пункта.

Узнать, что такое магорганы.

И напомнить Артуру про охоту.
Он обещал.

Глава 8. Охота.

Про охоту я напомнил на девятый день.

Не прямо. За ужином спросил, в какое время года зверь ближе к деревне.

Артур поднял взгляд от миски и подержал его на мне чуть дольше, чем требовалось.

— Через три дня, — сказал он. — Если встанешь.

— Встану.

— Посмотрим.

Нири поставила кувшин на стол и ничего не сказала.

Но утром следующего дня рядом с моей постелью появились сапоги.

Не мои. Меньше сапог Артура, больше моих старых — кожа мягкая, разношенная, с новыми шнурами. Чьи-то, перешитые под меня.

Заранее.

В этом доме всё делалось заранее и никогда об этом не говорилось.

* * *

Выходили затемно.

Артур собирался во дворе, разложив вещи на лавке, и я стоял рядом и смотрел, как он их убирает.

Нож на пояс. Моток тонкой верёвки. Плоская фляга. Кусок вощёной ткани. Плоский серый камень, обмотанный тряпицей, — точило.

Меч он снял со стены последним.

Тот самый, с которым выходит во двор каждое утро. Не другой, не запасной.

— А лук?

Артур поправил перевязь.

— Не моё.

— Совсем?

— Совсем.

Он сказал это ровно, как говорят про погоду, и больше ничего не добавил.

В сарае, шагах в двадцати отсюда, на отдельном стенде стоит белый лук с тремя красными камнями.

Он там стоит всю мою жизнь. Ни царапины, ни пылинки.

— Держи.

Он протянул мне холщовый мешок. Внутри оказалась лепёшка, завернутая в тряпицу, и моток той же верёвки.

— Это всё?

— Это твоё. Остальное на мне.

Из дома вышла мать. В одной руке — второй свёрток, в другой — моя старая куртка, зачем-то с новой заплатой на локте.

Она присела и сама застегнула мне ворот. Так, как не делала уже года два.

— Не отставай, — сказала она.

— Не буду.

Нири помолчала.

Потом добавила — ровно, буднично, будто напоминала про вымытые руки:

— И не смотри туда, куда ставишь ногу. Смотри дальше, чем идёшь.

Я поднял на неё глаза.

Она уже выпрямлялась и поправляла рукав.

За спиной у меня звякнула фляга — отец закрепил её на поясе и на мгновение остановился. Совсем ненадолго. Потом пошёл к воротам.

Откуда Нири знает, как ходят по лесу?

Я посмотрел в сторону сарая.

Потом добавил это к списку и пошёл за отцом.

* * *

Поля закончились быстро.

Дальше начиналась полоса кустарника, потом редкие берёзы, потом — лес.

Он оказался совсем не таким, каким выглядел от деревни. Издалека это была ровная тёмная стена. Внутри стены никакой не было: деревья стояли просторно, между ними лежали пятна света, и идти можно было почти куда угодно.

Это и оказалось первой проблемой.

Отец остановился шагах в двадцати от опушки.

— Правило первое. Идёшь за мной. Ставишь ногу туда, куда поставил я.

— Почему?

— Потому что я вижу, куда ставлю.

Он двинулся дальше, и я пристроился следом, стараясь попадать в его след. Получалось плохо: шаг у него был длиннее, и приходилось то тянуться, то семенить.

К третьей сотне шагов я перестал думать о ногах. Они сами нашли, как.

— Правило второе. Ветер.

Артур поднял руку и подержал ладонь раскрытой.

— Всегда знай, откуда он. Зверь тебя не увидит и не услышит. Учует.

Я тоже поднял ладонь.

Ничего не почувствовал.

Отец сорвал сухой лист, растёр между пальцами и выпустил труху. Она ушла влево и вниз.

— Понял?

— Понял.

Это было просто. Даже приятно просто — как задача, у которой один ответ.

— Правило третье. Лес шумит.

Я прислушался.

Он и правда шумел. Не ветром — птицами, шорохом, чем-то мелким в подлеске, скрипом наверху. Постоянный ровный звук, который я до этого принимал за тишину.

— Когда он замолкает — стой. Не беги, не оборачивайся. Стой и слушай.

— А если не замолкает?

— Тогда, значит, самое опасное здесь — ты.

Он сказал это без улыбки.

Я обдумывал это шагов сто.

Лес слушает сам себя и сообщает о каждом, кто в нём есть. Птицы замолкают не потому, что боятся, а потому что кто-то вошёл в их круг. Тишина — не отсутствие звука, а сообщение.

Система. Довольно изящная.

— Правило четвёртое.

Артур остановился и обернулся.

— Говори всё, что видишь.

— Всё?

— Всё. Сломанную ветку. След. Помёт. Птицу, которая села не туда. Не разбирайся — говори.

Я кивнул.

Пошли дальше.

Странное правило.

Первые три были про мир. Это — про меня, и логика в нём хромала.

Я не отличаю след косули от следа собаки. Если я начну называть вслух каждую примятую траву, отец получит не сведения, а шум, и в этом шуме утонет то небольшое, что действительно важно. Полезнее посмотреть, запомнить, сверить с тем, что он покажет сам, и заговорить, когда я буду понимать, о чём говорю.

Правило для тех, кто просто идёт рядом. Меня оно тормозит.

Я решил, что буду говорить, когда буду уверен.

Мысль показалась мне разумной.

* * *

Первые два часа отец показывал.

Сначала — обглоданную кору на молодом стволе, снятую полосами снизу вверх.

— Кто?

— Не знаю.

— Косуля. Зимой ест кору, летом — нет. Значит, кора старая, а дерево запомнило.

Потом — вытоптанную площадку под елью, где земля была голой и в углублении лежала шерсть.

— Лёжка. Здесь спали. Три дня назад, может, четыре.

— Как ты понял, что не вчера?

Он поднял с земли сухую хвоинку. Их насыпало в углубление ровным слоем.

— Вчера этого бы не было.

Я присел и посмотрел на хвою.

Простая арифметика. Иглы сыплются с известной скоростью — считай слой, получи время. Метод, который работает, только если ты каждый день в лесу и знаешь эту скорость телом.

Такое не читается с полки. Такое можно только выходить ногами.

Мысль была неприятной и знакомой. Ровно та же, что с бегом.

Ещё через полчаса я узнал широкий тёмно-зелёный лист с тремя жилками — точно такой, как на рисунке в справочнике Насти, на седьмой странице. Название я забыл. Рисунок помнил.

Он рос пятном, у самого корня старой берёзы.

Я запомнил берёзу и место.

Потом.

* * *

Ручей мы перешли ближе к полудню.

Берега там были низкие и мягкие, и вся глина у воды была истоптана.

Артур присел на корточки и подозвал меня движением пальцев.

— Смотри. Свежие. Ночью или под утро.

Два раздвоенных отпечатка, аккуратных, как две капли. Один поверх другого.

— Косуля?

— Она.

Он повёл рукой вдоль берега, показывая направление.

— Пошла вверх, к малиннику. Тогда обходим сверху и заходим по ветру.

Я кивнул и, пока он смотрел на воду, посмотрел под ноги.

В шаге от аккуратных капель земля была разворочена.

Не отпечаток — вспаханная полоса длиной в мою руку, с выданным дёрном и глубокими бороздами. Рядом — ещё один след, тоже раздвоенный, но короче, шире и вдавленный так глубоко, что в нём стояла вода.

Я посмотрел на него подольше.

Вода в следе была мутной.

Мутная — значит, недавняя. Ил не успел осесть.

Гипотеза. Возможно, неверная: воду могло взбаламутить что угодно.

И я не знал, чей это след. Крупнее косули — это единственное, что я мог сказать с уверенностью, а «крупнее косули» это не сведения. Это догадка семилетнего, который второй раз в жизни видит лес.

Скажу — окажется, что так выглядит обычный отпечаток той же косули, наступившей неудачно. Артур кивнёт и пойдёт дальше. И к вечеру перестанет отделять то, что я говорю, от шума.

Я поднялся и запомнил форму следа.

Проверю сам. Спрошу вечером, дома, когда можно будет спросить спокойно и подробно, и никто не потеряет зверя из-за моего любопытства.

— Идём.

Мы пошли вверх по склону.

* * *

Малинник начинался за поваленной сосной.

Артур сбавил шаг задолго до него. Меч он вынул из ножен ещё на склоне и нёс опущенным, чуть в стороне от тела, и переставлял ноги так, что я не слышал ни одного его шага при том, что видел каждый.

Я старался повторять. Получалось шумно.

Мы обошли заросли по дуге, забирая туда, откуда тянуло в лицо холодным и сырым.

Ветер в нас. Правильно.

Артур остановился и поднял два пальца.

Мы стояли.

Я слушал.

Лес шумел.

Потом лес перестал шуметь.

Это произошло не разом. Сначала оборвалась одна птица где-то справа, потом вторая, ближе, потом смолк мелкий шорох в подлеске, и последним ушёл скрип наверху.

Тишина легла так плотно, что я слышал свою флягу.

Правило третье.

Я стоял. Я всё делал правильно. Я стоял и слушал и думал только о том, что вот, значит, как это звучит — то, о чём он говорил утром, и что надо запомнить, как именно оно начинается, чтобы узнать в другой раз.

Малинник треснул.

Дальше случилось быстро.

Что-то серо-бурое и низкое вышло из зарослей в трёх шагах справа — не выбежало, именно вышло, тяжело и без спешки, и остановилось, повернув голову боком.

Я успел увидеть щетину на загривке. Маленький глаз. Жёлтый изогнутый выступ у нижней челюсти. Две тёмно-фиолетовые полосы на брюхе.

Потом меня ударило в плечо, и земля оказалась сбоку.

Артур отбросил меня за сосну одной рукой.

Я поднялся на локте.

Он стоял вполоборота, широко расставив ноги, и меч был опущен остриём вниз и вперёд. Он не нападал. Он не отступал. Он стоял и что-то делал голосом — ровный низкий звук, почти без слов.

Зверь мотнул головой.

Ударил передней ногой в землю. Раз. Другой.

Постоял.

И ушёл — вбок, в кусты, ломая их с треском, который было слышно ещё долго после того, как он пропал.

Стало тихо.

Потом лес начал шуметь снова. Сначала скрип наверху, потом шорох, потом птицы.

В обратном порядке.

Артур опустил меч и повернулся ко мне.

— Цел?

— Да.

Я сел. Плечо, которым меня приложило о землю, отзывалось тупо и далеко, как боль после тренировки. Руки почему-то не слушались. Я посмотрел на них, подождал, и они перестали.

Тело среагировало раньше меня. И громче.

Интересно.

Артур подошёл, поднял меня за подмышку и поставил на ноги. Оглядел, отряхнул, проверил ворот.

Сел на поваленную сосну.

Молча.

Я стоял рядом.

Я ждал.

Молчание длилось долго. Настолько долго, что я начал перебирать, что именно должен сейчас сказать нормальный семилетний ребёнок, и не нашёл ни одного варианта, который не звучал бы фальшиво.

— Ты видел следы у ручья, — сказал отец.

Не вопрос.

— Видел.

— Какие?

— Разрытая земля. И отпечаток. Глубокий, с водой.

— Вода мутная?

— Мутная.

Артур кивнул. Так, будто ему подтвердили что-то, что он и без того знал.

— Почему не сказал?

Я ответил честно. Врать здесь было бесполезно, а главное — глупо: он всё равно уже знал ответ, ему нужна была только формулировка.

— Я не был уверен, что это важно. Я не отличаю следы. Если я буду говорить обо всём подряд, ты перестанешь меня слушать.

Он выслушал до конца.

Я думал, он будет кричать.

Он не стал.

— Секач лежал в малиннике, — сказал Артур. — Косуля ушла оттуда ночью, потому что он пришёл. Мы шли за зверем, которого там уже не было, туда, где лежал зверь, за которым мы не ходим.

Он говорил спокойно и медленно, как объясняют устройство инструмента.

От этого было хуже, чем от крика.

— Ты видел это у воды. Ты. Не я.

Отец наклонился вперёд, поставив локти на колени, и посмотрел мне в лицо.

— В лесу говори всё, что видишь. Хоть камень, хоть птицу, хоть свою выдумку. Разберусь я. Это моя работа.

— Я хотел проверить сам.

— Знаю.

Он помолчал.

— Проверять сам будешь, когда за твоей спиной никого нет. Тогда это твоё дело.

Артур поднялся.

— А пока рядом кто-то есть — решаешь не ты один. Решишь сам — умрёшь сам.

Меч он в ножны так и не убрал. Просто пошёл вниз по склону.

Я пошёл следом.

Он ни разу не сказал, что я виноват.

Он вообще не говорил обо мне. Он говорил о том, как устроен лес, и в этом устройстве мой способ действовать просто не работал. Не «плохой». Не работал.

Всю жизнь — обе жизни — я держал сведения при себе, пока не был уверен. Это экономило время и берегло от глупого вида. Это было хорошо и правильно и ни разу не стоило мне ничего.

Здесь это стоило нам зверя.

И, если бы отец шёл первым чуть иначе или ветер повернул, стоило бы дороже.

Проверять потом — роскошь. Роскошь для того, у кого есть потом.

Мысль была неприятная и очень чистая.

Я нёс её, наверное, шагов пятьсот.

* * *

Дальше я говорил.

Всё подряд.

— Ветка сломана. Низко.

— Косуля. Или я вчера прошёл.

— Птица не улетела, а перескочила.

— Гнездо рядом. Обходи.

— Тут вода стояла, а сейчас нет.

— Это не след. Это дождь подмыл.

Я останавливался.

— Всё равно правильно, что сказал, — говорил отец и шёл дальше.

Ни разу не усмехнулся.

К четвёртому часу я перестал считать, сколько раз ошибся. Их было много. Считать было незачем — счёт ничего не менял, а вот форма следа, который отец назвал заячьим, оставалась в голове сама, без всяких усилий.

Мы взяли зайца в петлю на обратном пути, у самой границы кустарника. Не потому, что охотились, — отец поставил её ещё утром, на ходу, и я даже не заметил когда.

— Немного, — сказал я.

— Немного, — согласился он и убрал зайца в мешок. — Зато сам дошёл.

По дороге я заметил берёзу с широкими трёхжильными листьями у корня.

Ту самую. Она стояла шагах в тридцати от тропы, и я запомнил, что от неё до развилки — примерно двести шагов вниз.

Спрашивать про неё у отца я не стал.

Потом сообразил, что снова решил это сам, и на всякий случай перепроверил себя.

Нет. Это не лес и не опасность. Это просто трава.

Получается, правило про «говори всё» действует не везде.

Понять бы ещё, где проходит граница.

В список.

* * *

Деревня показалась ближе к вечеру.

У околицы, там, где тропа выходит к первым огородам, стояли дети.

Их было пятеро. Две корзины, у одного за спиной короб. Лиза стояла ко мне спиной и что-то втолковывала мальчишке помладше, показывая рукой в сторону холма — не туда, откуда шли мы, а левее, где начинался редкий подлесок.

Рен сидел на корточках и перекладывал в корзине что-то зелёное.

Они собирались в лес.

Вечером. Впятером. С корзинами.

Лиза обернулась, увидела меня, посмотрела на отца, на мешок и на меч — и кивнула.

Один раз, как кивают знакомым взрослым.

Рен поднял голову и тоже кивнул.

Потом они пошли.

Меня никто не позвал.

Я шёл дальше и думал об этом.

Не обиделся. Обижаться было не на что: мы виделись один раз, я не давал повода звать меня и сам бы отказался — идти в лес вечером с пятью детьми и без взрослого выглядело не лучшим планом.

Но что-то в этом всё равно требовало внимания.

Они шли не туда, куда ходил отец. Выходит, у них своя тропа. Они шли за травой, а трава здесь чего-то стоит — иначе никто не таскал бы короб на спине ради удовольствия. И тропу эту знает девочка, которая живёт в этой деревне десять лет.

Я хожу в лес с отцом. Они ходят в лес без взрослых.

Это разные леса.

И к их лесу у меня нет ни одного ключа.

* * *

К гильдии мы завернули по пути.

Каменное здание с вывеской — меч, перечёркнутый веткой — было единственным на улице, где ещё горел свет. Внутри пахло железом и мокрой кожей. У дальней стены стояла бочка, за ней трое разбирали какой-то ящик и негромко спорили, чей вес считать.

Артур бросил зайца на лавку у входа и подошёл к стойке.

Хад стоял там же, где и всегда, — так, будто и не двигался с моего семилетия. Перед ним лежала доска с прижатыми камнем листьями.

— Северный склон, за ручьём, — сказал отец. — Секач. Крупный, лежал в малиннике у поваленной сосны.

Хад взял уголь.

— Ушёл?

— Ушёл. Не преследовал.

— Зверь беспокойный.

— Зверь беспокойный, — согласился Артур.

Хад дописал строку, отложил уголь и посмотрел на меня. Долго.

— Первый раз?

— Первый.

— Ну.

Он не стал спрашивать, как прошло, и мне это неожиданно понравилось.

Отец наклонился к доске.

— Что снизу?

Хад развернул к нему второй лист.

— Вчера с четвёртого поднялись двое, взяли немного. Магвери уже на втором этаже.

Артур молчал.

— Быстро, — сказал он наконец.

— Быстро, — сказал Хад.

И всё.

Никто ничего не объяснил. Никто не удивился. Отец забрал зайца с лавки, и мы вышли.

Я шёл рядом и катал слово в голове.

Магвери.

Не «пришли». Не «появились». Поднялись — снизу вверх, с этажа на этаж, как поднимаются по лестнице.

Пять дней до моего семилетия что-то случилось, и с тех пор все в деревне говорят короткими фразами, из которых убраны все объяснения, потому что объяснять некому: тут все знают.

Кроме меня.

Знать, что чего-то не знаешь, — это уже немного.

Но очень немного.

* * *

Дома мать сняла с меня куртку, посмотрела на заплату, которая продержалась ровно один день, и ничего не сказала.

Заяц отправился в котёл.

Ел я больше, чем когда-либо в этой жизни, и чуть заснул прямо за столом.

Перед сном, при свече, я вывел на воске три слова. Криво, но читаемо.

Магвери.

Секач.

Трава у берёзы.

Потом подумал и добавил четвёртое, которое ни с чем не связывалось и всё равно не давало покоя.

Смотри дальше, чем идёшь.

Ноги гудели.

Плечо, которым меня приложило о землю, наливалось к ночи и обещало быть завтра фиолетовым.

Я лежал в темноте и заново прокручивал минуту у ручья.

Я всё сделал по своему правилу. Оно было хорошим правилом. Оно двадцать с лишним лет ни разу меня не подвело — в той жизни ошибка стоила неловкости, самое большее — испорченной оценки, и молчать всегда было выгоднее, чем ошибиться вслух.

Здесь у ошибки другая цена. И у молчания — тоже.

Осторожность — это когда ты дороже платишь за риск.

Если за молчание платят больше, чем за глупость, то моя осторожность — не осторожность.

Как это называется правильно, я пока не придумал.

Но что-то в голове встало на другое место и обратно вставать не собиралось.

Глава 9. Цена знаний.

К концу второго месяца я читал.

Не бегло. Слова длиннее пяти знаков всё ещё приходилось разбирать по частям, и я шевелил губами, чего терпеть не мог. Но книга Софии — та, с буквами в начале и короткими расказами в конце — закончилась за девятнадцать дней.

Я принёс её обратно и положил на стол.

— Уже? — София взяла книгу и пролистала, будто искала следы. — Всю?

— Там про мальчика, который потерял козу, и про то, откуда берётся дождь.

— И откуда же?

— Из моря. Только там не написано, как он туда возвращается.

София посмотрела на меня. Потом отложила книгу и сняла с полки другую, потоньше.

— Держи. Здесь труднее.

Я взял.

Полка была у неё за спиной, и я, пока она искала, успел её сосчитать.

Двадцать три корешка.

Из них шесть — одинаковые, детские, такие же, как та, что я вернул: она даёт их всем и забирает обратно. Ещё четыре — тонкие, с записями по хозяйству, я видел, как она в них смотрит цены на воск.

Остаётся тринадцать.

Тринадцать. Если по девятнадцать дней — это меньше года.

И потом полка кончится.

— О чём думаешь? — спросила София.

— О том, что будет, когда я дочитаю всё.

Она рассмеялась. Она вообще смеялась легко, и я так и не понял, что именно её смешит.

— Сначала дочитай.

* * *

Через три дня они пришли к нашему забору.

Я услышал их раньше, чем увидел, — во дворе стало на несколько голосов больше. Я как раз домахивал вторую сотню и остановился, не доведя движение до конца.

Плохо. Нельзя останавливаться на середине — потом рука запомнит половину.

У калитки стояли четверо. Лиза, Рен и двое мальчишек помладше, одного из которых я видел на празднике, а второго — нет.

— Ты Алекс, — сказала Лиза.

Это не было вопросом, поэтому я не стал отвечать.

— Мы завтра идём за травой. С утра, на весь день. Пойдёшь?

Я поставил деревянный меч к стене.

Вопрос был простой, и я разложил его прежде, чем открыл рот.

Куда — неизвестно. Сколько идти — неизвестно. Кто из взрослых с ними — судя по составу, никто. Что мне с этого — тоже неизвестно.

Зато известно, что бывает в лесу.

Я всё ещё помнил, как выглядит вспаханная полоса земли длиной в мою руку.

— Нет.

Лиза моргнула.

— Почему?

Тут стоило бы придумать причину, которую говорят дети. Что-то про отца, про уроки, про «мне не разрешают».

Я не придумал и сказал как есть.

— Вы идёте на весь день без взрослых. Я был в лесу седмицу назад. Там ходит секач.

— Секач ходит у ручья, — сказала Лиза. — Мы туда не ходим.

— Откуда ты знаешь, где он ходит?

Она открыла рот. Закрыла.

— Просто знаю.

— Это не ответ.

Получилось резче, чем я собирался. Я услышал это уже на выдохе — и не по её лицу, а по тому, как замолчали мальчишки за её спиной.

Лиза постояла ещё немного.

— Ясно, — сказала она наконец. — Ну и не ходи.

Она развернулась и пошла к дороге, и двое мелких потянулись за ней.

Рен задержался у калитки.

Он смотрел на меня без всякого выражения, и я в очередной раз отметил, что не понимаю, о чём думает человек, который молчит столько же, сколько я.

— Отец говорит, вместе безопаснее, — сказал Рен.

И ушёл.

Я вернулся к мечу.

Вместе безопаснее — это верно только если вместе идут те, кто умеет.

Пятеро детей в лесу — это не пятеро. Это один ребёнок, повторённый пять раз. Опасность от этого не делится.

Логика была чистой, и я проверил её с двух сторон и не нашёл дыры.

Дальше я домахал третью сотню и перестал об этом думать.

* * *

Вечером я их увидел снова.

Возвращался от Софии, а они шли навстречу от околицы, растянувшись по дороге. Корзины были полные — сверху лежала трава, накрытая мокрой тряпицей.

Один из мальчишек прихрамывал.

Лиза меня заметила и не поздоровалась.

Рен поздоровался.

Они прошли мимо, к лечебнице, и я услышал, как за ними стукнула дверь.

Я постоял на дороге.

Потом пошёл домой.

Полный день. Пятеро. Одному досталось.

Я подождал вывода.

Вывода не было — данных не хватало ни на один. Я не знал, зачем им столько травы, сколько её надо и что бывает дальше.

Поэтому я просто запомнил: полные корзины, лечебница, вечер.

И положил это к остальному, что пока некуда положить.

* * *

Торговец приехал через шесть дней.

Про него говорили с утра — я услышал это ещё до завтрака, через окно, от двух женщин у соседского забора. К полудню у ратуши стояли две повозки, а вокруг них — половина деревни.

Я пришёл посмотреть.

Не потому, что собирался что-то покупать. Просто это было новое, а нового в деревне не случалось с моего семилетия.

Повозки были большие, крытые, и от них пахло дорогой — пылью, лошадьми и чем-то сладковатым. У задней стоял человек с очень прямой спиной и коротким мечом на поясе, и он не торговал, а смотрел по сторонам. На него никто не обращал внимания, и я решил, что так и должно быть.

Товар лежал на откинутых бортах.

Соль. Иглы. Нитки. Ткань в рулонах, три цвета. Наконечники для стрел, связками по десять. Точила. Маленькие зеркала в деревянных оправках — возле них стояли женщины, и там было теснее всего. Пуговицы. Гребни.

Я обошёл повозку кругом.

С другой стороны товара было меньше и людей не было вовсе.

Там лежали книги.

Четыре.

Три тонкие — я разобрал на корешках что-то про травы и что-то про счёт.

Четвёртая была толщиной с два моих кулака.

Тёмная кожа. Углы обиты чем-то тусклым. На корешке — крупные знаки, вытисненные и когда-то, наверное, золотые, а теперь просто светлее остального.

Я читал их долго.

Все... знание? Всезнание.

«Всезнание о Нергале».

Я стоял и смотрел на эту надпись, и в голове стало необычно пусто.

Не от восторга. От узнавания.

Так называются книги, которые ничего подобного не содержат. Всякий, кто пишет на обложке «всё», уже сообщил тебе кое-что о содержании. Я знал это по прошлой жизни, где такие названия стояли на каждом втором корешке.

И всё же.

Я оглянулся на деревню за спиной.

Полторы полки. Тринадцать корешков у Софии, из которых я половину уже могу пересказать.

Даже если внутри треть правды — это в тридцать раз больше, чем у меня есть.

— Читать умеешь?

Торговец подошёл сбоку. Немолодой, широкий, в хорошей куртке, и лицо у него было такое, будто он всё утро был чем-то умеренно недоволен.

— Умею.

— Второй месяц, что ли?

— Третий.

Он хмыкнул и ничего не сказал.

— Что здесь? — спросил я.

— Земли. Королевство, соседи, дороги, города. Кто чем торгует, где что растёт, у кого какой герб. — Он постучал костяшкой по крышке. — Карты есть. Четыре штуки.

Карты.

Я не знал, что здесь бывают карты.

— Можно?..

— Нельзя.

Он сказал это без раздражения, как отвечают на вопрос, который слышат каждый раз.

— Открывать будешь, когда купишь.

— Сколько?

— Пятнадцать серебряных.

Я не понял.

То есть я услышал слова и даже знал каждое, но они не складывались ни во что, с чем можно было работать.

— Это сколько?

Торговец посмотрел на меня уже внимательнее.

Потом достал из кошель три монеты и выложил их на борт повозки в ряд.

— Медный. Серебряный. Золотой.

Медный был маленький и тёмный. Серебряный — вдвое шире. Золотой он положил и сразу накрыл ладонью, но я успел увидеть, что он тяжёлый.

— В серебряном — сто медных. В золотом — сто серебряных. Понял?

— Понял.

Пятнадцать серебряных. Тысяча пятьсот медных.

Число легло в голову ровно и стало там лежать.

— Дорого, — сказал я. Просто чтобы услышать, что он ответит.

— Дорого, — согласился он.

И убрал монеты обратно.

— Она у меня третий год ездит. Взял в счёт долга, шла в город, до города так и не доехала.

— Почему?

— Потому что в городе таких десять, и там за неё дадут двенадцать. А я за двенадцать не отдам.

Он поправил ткань на борту.

— А здесь она никому не нужна. Здесь охотники. Им нужны наконечники и соль, а какие в Ролане дороги — им без разницы.

Я слушал очень внимательно.

Мысль пришла сама, из той жизни, готовая: товар, который не продаётся три года, — это не товар. Это груз. Он его возит, кормит лошадей, платит охране и ничего с этого не имеет. Значит, он заинтересован сбыть.

Значит, можно торговаться.

— Если она три года не продаётся, — сказал я, — зачем вы её возите?

Торговец засмеялся.

Громко, коротко, один раз.

— Смотри-ка.

Он наклонился, упершись руками в колени, и оказался вровень со мной.

— Затем, что она мне ничего не стоит. Место в повозке всё равно едет. А цену я не уроню, потому что уроню один раз — и дальше ронять придётся всегда.

Он выпрямился.

— И потому что у тебя всё равно нет пятнадцати серебряных. Ни одного.

Возразить было нечем.

Я стоял перед человеком с товаром и не имел ничего, что можно было бы положить на другую чашу. Ни денег, ни другого товара, ни времени, которое ему было бы нужно.

Торговаться можно, когда есть чем.

Простая вещь. В прошлой жизни я об этом не думал ни разу — там торг был кнопкой «купить», и вопрос стоял только в том, есть у тебя на счету или нет.

— Вы ещё приедете?

Торговец посмотрел на небо, будто там был написан ответ.

— По весне, может, снова заеду. Как дороги встанут.

— А книга?

— А книга поедет со мной.

Он отвернулся к покупателям, и разговор кончился.

Я ушёл от повозок и до самого дома не заметил дороги.

Тысяча пятьсот.

* * *

Тем же вечером я попробовал понять, сколько это.

Артур про деньги говорил неохотно, но на прямой вопрос отвечал.

— Сколько платят за день работы?

Он поднял бровь.

— Кому?

— Взрослому. Который просто носит и копает.

— У Гарта на дворе — десять-двенадцать медных. За полный день.

— А ты?

— А я хожу вниз, — сказал Артур. — Там считают не днями.

Нири поставила на стол хлеб и посмотрела на нас обоих.

— Зачем тебе?

— Считаю.

Это её, кажется, устроило.

Я поднялся к себе и посчитал.

Сто пятьдесят дней взрослой работы. Полгода, если без выходных и не есть.

Это была первая по-настоящему большая цифра в этой жизни, и она мне не понравилась.

Но она была конечной.

С конечными числами можно работать.

* * *

Следующие девять дней я зарабатывал.

Это оказалось труднее, чем считать.

Ребёнку в деревне не платят за работу — ребёнка просят помочь, и он помогает, потому что так заведено. Я потратил два дня, прежде чем понял, где проходит граница: платят не за помощь, а за то, что человеку самому идти лень или некогда.

Дальше пошло легче.

Отнести письмо в дальний конец деревни, к пасечнику, — два медных. Женщина у колодца сказала, что своих ног не жалко, но идти в ту сторону она не собирается.

Держать конец доски, пока сосед пилит, — один медный и половина лепёшки. Лепёшку я съел.

Разгрузить у лавочника пять мешков — три медных. На четвёртом мешке я понял, почему три: он рассчитывал, что я брошу на третьем.

Я не бросил.

Сходить на ферму за молоком вместо мальчишки, которому надоело, — два медных, но эти два медных он платил из своих, и я взял только один. Не из благородства. Просто такая сделка не повторится, если сделать её невыгодной для второй стороны, а мне нужны были повторяющиеся.

За девять дней — одиннадцать медных.

Я разложил их на подоконнике вечером, в ряд, и посмотрел.

Одиннадцать.

Из тысячи пятисот.

Такими темпами — тридцать четыре года.

Я сидел и смотрел на монеты, и это было почти смешно. В прошлой жизни у меня были годы, которые я потратил на ничего, и я никогда не считал их в единицах чего бы то ни было. А тут одиннадцать медяков честно сказали мне, сколько стоит мой способ.

Способ плохой.

Не «мало работал». Работал я как раз много.

Плохой способ.

* * *

Про берёзу я вспомнил на десятый день.

Ту, с широкими трёхжилковыми листьями у корня, в тридцати шагах от тропы и в двухстах от развилки. Я запомнил её ещё на охоте и с тех пор ни разу не проверил, зачем.

Справочник Насти лежал у меня под кроватью с самого семилетия.

Я вытащил его и нашёл седьмую страницу.

Рисунок совпадал. Три жилки, зубчатый край, стебель в крапинку. Под рисунком стояло название, которое я теперь мог прочитать — «горлянка», — и три строчки текста, из которых я понял две.

Идти близко. Знаю где. Знаю, что это.

Я взял мешок и сходил утром, пока Артур был у гильдии, дошёл до развилки, отсчитал двести шагов и нашёл берёзу с первого раза.

Травы там было много.

Я набрал полный мешок и вернулся до обеда, и всю дорогу пересчитывал: если за мешок дадут хотя бы двадцать, то это уже другой разговор.

Лечебница пахла кипячёным полотном.

Настя вытерла руки, развязала мешок и запустила туда ладонь.

Потом посмотрела на меня. Потом снова в мешок.

— Горлянка.

— Горлянка, — подтвердил я. — По книге. Седьмая страница.

— Вижу, что по книге.

Она вытащила пучок, встряхнула и положила на стол.

— Два медных.

Я не сразу нашёлся.

— За мешок?

— За мешок.

Настя села на табурет, и мне пришлось задрать голову, чтобы её видеть.

— Хочешь знать почему?

— Хочу.

— Хорошо, что спросил, а не надулся.

Она загнула палец.

— Первое. Ты нарвал с корнем и свалил в кучу. Она уже греется. К вечеру половина почернеет.

Второй палец.

— Второе. Нужен лист, а ты набрал стеблей вдвое больше, чем листьев. Стебель я выкину, а нести его пришлось тебе.

Третий палец.

— И третье. Горлянка растёт у меня за домом. И у Софии за домом. И вдоль всей канавы к ферме.

Она развела руками.

— Мне за ней ходить не надо. Мне и просить никого не надо. Я выйду и нарву, сколько нужно, за половину утра.

Я стоял и обрабатывал это.

Выходит, я весь день считал деньги за товар, которого у неё и так в избытке.

— А за что вы платите много? — спросил я.

Настя посмотрела на меня внимательно, как смотрят, решая, отвечать всерьёз или нет.

Ответила всерьёз.

— За то, за чем надо идти.

Она встала и сняла с полки плоскую корзину, накрытую тканью. Под тканью лежала трава — узкая, серо-зелёная, разложенная ровным слоем, не смятая, стеблями в одну сторону.

— Это принесли восемь дней назад. Пятеро детей, полный день. Растёт в двух местах за старой вырубкой, и оба места надо знать. Я за такую корзину плачу двадцать пять медных. И плачу с удовольствием, потому что сама туда не пойду — у меня тут люди.

Двадцать пять.

За корзину.

Я посчитал прежде, чем успел решить, хочу ли считать.

Пятеро. Один день. Двадцать пять.

Мои девять дней — одиннадцать.

Их один день — вдвое больше.

— Ты, кстати, зря не пошёл, — сказала Настя, накрывая корзину обратно. — Лиза спрашивала, брать ли на тебя долю.

Я поднял голову.

— Она спрашивала?

— Спрашивала. Я сказала, что доля от количества рук.

Настя отсчитала два медяка и положила на стол.

— Мешок можешь забрать. Или оставить, я его на подстилку пушу.

Я взял монеты и не взял мешок.

* * *

Домой я шёл медленно.

Считал я всю дорогу, и с каждой сотней шагов получалось одно и то же.

У меня есть книга с рисунками. Есть память — я запоминаю страницу с одного раза. Есть ноги, которые теперь бегают до поваленного дерева двенадцать раз. Есть время, которого у детей больше, чем у кого угодно в деревне.

И всё это стоит два медных, потому что я знаю только то место, которое видно с тропы.

У Лизы нет ни справочника, ни памяти на страницы.

У неё есть два места за старой вырубкой.

Знание, за которое платят, — не то, которое записано.

Записанное я могу взять сам. Оно лежит в книге, книга лежит на полке, полка не спорит и ничего не хочет взамен.

А то, которое стоит двадцать пять, лежит в голове у девочки, которой я позавчера сказал «это не ответ».

И его нельзя ни прочитать, ни купить.

Ни у кого нет прилавка, на котором лежат тропы.

Я дошёл до калитки и остановился.

Мысль была неприятная и очень чистая, как та, в лесу. Похоже, все по-настоящему полезные мысли у меня в последнее время такие.

Я не собирался ни с кем дружить.

Но я, кажется, начинал понимать, что люди здесь — это не только шум и не только помеха.

Это ещё и место, где лежит то, чего нет на полках.

Тогда с ними надо как-то... иначе.

Как именно — я не знал.

Пока запишем так: способ есть, я его не нашёл.

* * *

Вечером за столом Артур говорил о заборе, Нири — о ценах на соль, которая после торговца подешевела на медяк.

Я ел и слушал вполуха.

И где-то между солью и забором понял, чего в разговоре нет.

Ещё месяц назад считали вслух.

Хад у гильдии: «к концу второго месяца». Вик во дворе: «седмицы три ещё». Женщины у колодца: «до конца лета точно». Я слышал эти числа так часто, что перестал их замечать, — а они были фоном всего, что говорилось в деревне.

Второй месяц кончился одиннадцать дней назад.

Я попробовал вспомнить, когда в последний раз слышал срок.

Не вспомнил.

Никто ничего не отменял и не объявлял. Просто в какой-то день числа ушли из разговоров, и никто, кроме меня, этого, кажется, не заметил — потому что заметить отсутствие можно только если ты специально считал.

— Пап.

— М.

— А прилив — он когда?

Артур дожеввал.

— Когда придёт.

Он сказал это спокойно, тем же голосом, что и про забор.

Нири не подняла глаз от миски.

Но ложку на мгновение положила.

Я не стал спрашивать дальше.

* * *

Перед сном я разложил на подоконнике тринадцать медяков.

Одиннадцать своих и два за мешок травы, который пошёл на подстилку.

Тринадцать из тысячи пятисот.

Смешно.

Я всё равно сдвинул их в кучку и убрал в тряпицу, а тряпицу — под доску у стены, которую заметил ещё зимой и так и не понял зачем.

Теперь знал.

По весне, может, снова заеду.

Значит, у меня есть зима.

Мало.

Способ придётся менять быстрее, чем я собирался.

Глава 10. Тропы.

Артур начал возвращаться раньше.

Не намного — на час, иногда на полтора. Достаточно, чтобы это сбilo расписание: раньше он приходил, когда Нири уже накрывала, а теперь садился на лавку у сарая и какое-то время сидел, прежде чем зайти в дом.

Сидел и чистил меч.

Меч в этом не нуждался. Я знал, как выглядит меч, который надо чистить, — я видел его в тот вечер, когда принесли Ворта.

— Рано сегодня, — сказала Нири в первый раз.

— Укоротили.

— Совсем?

— До третьего этажа и обратно.

Она не спросила почему.

Меня это заинтересовало больше, чем сам ответ. Она не спросила, потому что знала, — значит, это обсуждалось где-то, где меня не было, и обсуждалось не один раз.

Ещё через неделю у входа в подземелье встал постоянный пост.

Про это я узнал случайно: Вик зашёл за отцом на рассвете, и во дворе прозвучало «моя ночь».

— Опять?

— Через одну теперь, — сказал Вик. — Народу мало, а сидеть надо всё время.

Он посмотрел на меня и подмигнул.

— Как перчатки?

— Не снимаю.

— А я говорил.

Он был как обычно. Голос, шутка, подмигивание — всё на месте.

Только пришёл он на рассвете, а не к обеду, и ушли они с отцом быстрее, чем обычно уходят люди, которым некуда спешить.

Я отметил это и вернулся к мечу.

Что-то стало занимать больше времени, чем раньше.

Не «что-то происходит». Просто у взрослых стало меньше свободных часов, а разговоров про подземелье — больше.

Это ещё ничего не значило.

Но считать я не перестал.

* * *

К концу третьего месяца у меня было девятнадцать медяков и очень ясная задача.

Задача была не в деньгах.

Деньги лежали в лесу, у старой вырубki, в двух местах, которые надо знать. Знали их пятеро детей. Тогда вопрос сводился к тому, как получить доступ к сведениям, которые находятся в чужой голове.

В прошлой жизни у меня было ровно два способа что-то получить: сделать самому или купить.

Сделать самому — значит обшарить лес. Я прикинул: район за вырубкой — это несколько дней ходьбы по кругу, в одиночку, без взрослых, туда, где ходит секач. Я даже не стал доводить расчёт до конца.

Оставалось купить.

К этому я подошёл всерьёз.

Сначала выяснил цену. Настя, когда я в третий раз зашёл к ней с вопросом, посмотрела на меня и сказала: «Ты как торговец солью, честное слово», — но ответила. «Хорошая корзина — двадцать пять. Бывает больше, если попадётся кровяник, — до сорока.»

Потом посчитал долю. Пятеро, доля от количества рук — пять-восемь медяков на человека за день.

Потом накинул сверху.

Восемь я знал точно. Я предложил бы двенадцать: за одну прогулку, из которой она вернётся с полной корзиной и сверх того получит от меня половину дневного заработка взрослого мужчины. Отказаться от этого может только человек, который не умеет считать.

Лизу я нашёл у колодца.

Она набирала воду — не в ведро, а в два маленьких кувшина, и я успел подумать, что для больного нужна тёплая, а тёплая быстрее греется в малом.

— Лиза.

Она обернулась.

Увидела меня и вернулась к кувшинам.

— Мне нужны места за вырубкой, — сказал я. — Где растёт то, что берёт Настя.

Она не подняла головы.

— Зачем тебе?

— Нужны деньги.

— Всем нужны деньги.

— Я заплачу.

Вот тут она подняла голову.

— Двенадцать медных, — сказал я. — Один раз проводишь и покажешь. Дальше я хожу сам. Двенадцать — это больше, чем ты получаешь за полный день, и тебе не надо ничего нести обратно.

Я приготовил ещё три довода на случай, если она начнёт торговаться.

Ни один не понадобился.

Лиза очень аккуратно поставила кувшин на край сруба.

Выпрямилась.

— Я тебе что, торговка?

Голос у неё был не громкий. Скорее наоборот.

— Нет, — сказал я. — При чём тут это?

— При том.

Она взяла оба кувшина и пошла мимо меня.

Я не сообразил, что сказать, и сказал то, что было в голове:

— Двенадцать — это честно. Я специально считал.

Лиза остановилась.

Постояла ко мне спиной.

Потом ушла, ничего больше не сказав, и я остался у колодца с двенадцатью медяками, которых у меня даже не было при себе.

* * *

Рена я встретил вечером у гильдии.

Он сидел на ступенях и ждал отца, и я сел рядом, потому что мне надо было проверить одну вещь.

— Лиза злится.

— Ага, — сказал Рен.

— На что?

Он подумал.

— Не знаю.

— Ты был там?

— Она рассказала.

Мы посидели.

— Двенадцать медных — это много, — сказал я.

— Много, — согласился Рен.

— Тогда что не так?

Рен пожал плечами. У него это выходило основательно — он поднимал плечи и опускал, как будто действительно перебрал все ответы и ни одного не нашёл.

— Мы просто ходим, — сказал он. — Отец говорит, вместе безопаснее.

— Это я понимаю. Я и предлагаю: она идёт, я плачу.

— Не.

Рен посмотрел на меня. Он смотрел прямо, не отводя глаз, и я опять не смог прочитывать ничего.

— Ты не понял.

Он встал, потому что из дверей вышел Хад.

— А как надо было?

— Не знаю, — сказал Рен. — Просто не так.

* * *

Я разбирал это три дня.

Не постоянно — фоном, между кругами и взмахами, как разбирают задачу, к которой возвращаешься, потому что она не решается.

Условия задачи были простые.

Ей нужны деньги — это факт, они с Реном и мелкими ходят за травой не ради воздуха. Двенадцать больше восьми — это факт. Работы меньше — тоже факт.

Все три составляющие выгодны для неё. Сделка отвергнута.

Значит, у неё в расчёте есть переменная, которой нет в моём.

Я перебрал варианты.

Может быть, тропы — общие, и она не имеет права ими распоряжаться. Тогда она сказала бы «это не только моё». Не сказала.

Может быть, боится потерять заработок, если я начну ходить сам. Разумно — но тогда она назвала бы цену выше, а не отказалась вовсе. Люди, которые боятся за доход, торгуются, а не уходят с кувшинами.

Может быть, дело в самом слове.

«Я тебе что, торговка?»

Я прокрутил это ещё раз.

Она не сказала «мало». Она не сказала «не продаётся». Она сказала — кто она такая.

Я предложил ей деньги, и она услышала в этом не цену тропы, а цену себя.

Выходит, важно не только что предлагаешь. Важно, чем это выглядит.

Гипотеза. Проверить не на чем — второго раза у меня не будет, к колодцу с той же монетой я уже не подойду.

Я отложил её и стал думать не о том, почему не сработало, а о том, что вообще у меня есть.

Список получился короткий.

Деньги — девятнадцать медяков, они же и не сработали.

Сила — никакой.

Знания — справочник трав и полполки Софии.

Сведения.

Я остановился на этом слове.

У меня есть то, что я замечаю. Это единственное, чего у меня много.

Вопрос: замечал ли я про неё что-нибудь такое, чего она сама о себе вслух не говорит.

Ответ нашёлся сразу.

Праздник. Стол, тарелка, которую ей навалили сверх всякой меры. «А ты тоже учишься мечу?» — «Нет». Слишком быстро. «А кем хочешь?» — «Не знаю». И взгляд на Али.

Может быть.

Она тогда покраснела и сказала «я не говорила такого».

Я это запомнил — потому что запоминаю всё, — и с тех пор ни разу об этом не подумал.

* * *

К Софии я пришёл на следующий день с обычным вопросом.

Это было нечестно, и я это понимал. Но спрашивать в лоб — значит объяснять зачем, а объяснять зачем я не собирался.

— Что нужно, чтобы стать магом?

София как раз стирала тряпицей доску и не обернулась.

— А тебе зачем?

— В списке.

— В каком списке?

— В моём.

Она обернулась и посмотрела на меня.

Я давно заметил: София отвечает не на вопрос, а на человека, который спрашивает. Если бы это спросил кто-то другой, она сказала бы «ну, магом рождаются» и продолжила бы вытирать доску.

Мне она отложила тряпицу.

— Честно? Толком не знаю. Здесь магов нет.

— Совсем ничего?

— Ну почему. — Она села на скамью. — Учат в академии. В столице. Берут не всех, и берут уже не детей — лет с пятнадцати, кажется, до двадцати. Есть какая-то проверка, но какая — не спрашивай.

— А если проверку не пройти?

— Значит, не пройти.

Она пожала плечами.

— Всё, что я знаю, — из бумаг, и бумагам этим лет двадцать.

Я не изменил ни голоса, ни позы.

— Каких бумаг?

София усмехнулась.

— У меня брат хотел. Двоюродный. Собрал всё, что смог: как ехать, что нужно, сроки, во сколько обходится. Полгода собирал.

— И?

— И не поехал. Женился.

Она поднялась и стала расставлять скамьи, которые никто не двигал.

— Бумаги остались. Лежат в сундуке, я их не выбрасываю — жалко, там почерк хороший.

Я досчитал до трёх, прежде чем спросить. Не потому, что волновался. Потому что если спросить сразу, будет видно, что я ждал.

— Их можно посмотреть?

— Тебе рано, — сказала София. — Тебе семь.

— Не мне.

Она остановилась со скамьёй в руках.

— А кому?

Вот здесь надо было решить, что именно говорить.

Правду говорить было нельзя — это была не моя правда, а чужая, и Лиза от неё краснела при мне одном.

Врать Софии не хотелось. Не из совести. Врать учителю, к которому ходишь через день, — плохое вложение.

— Тут есть человек, которому это нужнее, чем мне, — сказал я. — Но он про это не рассказывает. Я не буду называть.

София очень долго на меня смотрела.

Дольше, чем на любой мой ответ до этого.

— Хорошо, — сказала она наконец и поставила скамью. — Из дома не отдам. Пусть приходит и читает здесь, сколько надо. И бумаги не мять.

— Понял.

— И вот ещё что.

Она вернулась к доске и взяла тряпицу.

— Ты ведь мог просто сказать «мне интересно». Я бы дала.

— Мог, — согласился я.

— Но не стал.

— Не стал.

София вытерла угол доски.

— Ладно, — сказала она. — Иди уже.

* * *

Лизу я перехватил через два дня, у лечебницы.

Она вышла с пустой корзиной и, увидев меня, сразу пошла быстрее.

— У Софии есть бумаги про академию магов, — сказал я в спину. — Как поступать, что нужно, сколько стоит дорога. Она разрешила приходить и читать. Сколько хочешь.

Лиза остановилась.

Не обернулась. Просто остановилась.

Дальше я собирался сказать вторую фразу.

Она была готова заранее и звучала так: «Тропы за это». Ровный обмен, всё названо своими словами, никто никому не должен и никто ни о чём не догадывается.

Я открыл рот и не сказал её.

Если назвать условие — станет платой. Плата не сработала в прошлый раз.

Мысль пришла холодная и совершенно ясная, как все полезные мысли последнего времени.

Названное условие — это цена. Неназванное — это... что-то другое. Я не знал, как это называется, но точно знал, что от него она не покраснеет и не скажет «я тебе что».

А получить своё я смогу и потом. Просто позже и не словами.

— Всё, — сказал я. — Я к отцу.

И пошёл мимо.

Она обернулась, когда я был уже шагах в пяти.

— Эй.

Я остановился.

— Ты ей сказал? Про меня?

— Нет.

— А она не спросит?

— Спросила. Я не назвал.

Лиза стояла и держала корзину двумя руками перед собой.

Уши у неё были красные.

— Почему?

Правильного ответа я не знал, поэтому сказал настоящий.

— Потому что это не моё, чтобы рассказывать.

Она молчала.

Я подождал ещё немного и пошёл дальше, и на этот раз она меня не окликнула.

* * *

На четвёртый день Лиза пришла к нашему забору.

Я как раз домахивал, и на этот раз довёл движение до конца, прежде чем обернуться.

Она стояла у калитки — одна, без мелких, без корзины.

— Завтра, — сказала она. — С утра. Возьми мешок побольше и что-нибудь на ноги, там мокро.

— Хорошо.

— И не отставай.

— Не буду.

Она уже развернулась, но остановилась.

— Двенадцать свои себе оставь.

— Ладно.

Лиза постояла ещё чуть-чуть, будто хотела добавить что-то ещё.

Не добавила и ушла.

Я вернулся во двор и поднял меч.

Сработало.

Я честно попробовал понять, что именно сработало, — и не смог разложить это до конца.

Содержание было то же самое: я даю ей то, что ей нужно, она даёт мне то, что нужно мне. Ни одна из величин не изменилась.

Изменилось только то, что во втором случае я не назвал вторую половину вслух.

Форма.

Странная переменная. Она ничего не весит, ничего не стоит и при этом переворачивает весь расчёт.

В прошлой жизни я бы сказал, что это иррационально, и на этом успокоился.

Здесь мне это стоило трёх дней и одного разговора у колодца, и слово «иррационально» ничего не объясняло.

Значит, это не иррационально. Я просто не вижу, из чего оно складывается.

Я записал это себе как есть, без вывода: форма важна не меньше содержания.

Почему — потом.

* * *

За вырубкой было мокро.

Мы вышли вшестером до рассвета, и первые полтора часа я вообще не понимал, куда мы идём: тропа то шла, то не шла, то раздваивалась в кустах, и Лиза сворачивала там, где никакого поворота не было.

Один раз она остановилась и обернулась.

— Запоминай не тропу, — сказала она. — Тропу дождём смоем.

— А что?

— Вон камень видишь? От него к сухой сосне. От сосны вниз до воды. Потом по воде до брода.

Я посмотрел на камень.

Потом на сосну.

Не путь. Точки.

Ровно то же самое Артур делал в лесу с ветром и следами — только у него это были правила, а у неё оказалось направление.

Я запомнил камень и сосну и всё, что было дальше, — а дальше было ещё девять таких точек, и к концу дня я мог назвать их в обратном порядке.

Кровяник рос на склоне за бродом, узкими полосами, и его надо было срезать, а не рвать. Это я тоже узнал не сразу.

— Ты чего делаешь? — Лиза выхватила у меня из рук пучок. — Ты его вырвал.

— Он не рвался, я потянул сильнее.

— Он на будущий год не вырастет.

Она достала из-за пояса маленький нож и протянула мне.

— Под третьим листом. Косо.

Я срезал под третьим листом.

Косо.

К полудню я приноровился, а после полудня со мной случилось то, чего я не планировал.

Я узнал лист.

Он рос отдельно, у самой воды, широкий и жёсткий, с белёсой изнанкой, — и я знал его, потому что он был на двадцать первой странице справочника, и под ним стояло: «редко, сырые низины, ценится».

— Стой, — сказал я.

Все встали.

— Что?

— Вот это. Как называется?

Лиза посмотрела.

— Не знаю. Мы его не берём.

— Настя за него платит.

— Ты откуда знаешь?

— Из книги.

Лиза посмотрела на меня.

Потом на лист.

Потом на воду вокруг него.

— Он в воде.

— Я разуюсь.

Я разулся.

Вода была ледяная, дно — вязкое, и я вымазался до колен, а потом ещё раз, когда полез обратно.

Набрали немного — его там действительно было мало.

Настя вечером развернула тряпицу, увидела белёсую изнанку и подняла брови так, как не поднимала ни разу за всё время нашего знакомства.

— Где взяли?

— За бродом, — сказала Лиза.

— Вы туда не ходите.

— Теперь ходим.

Настя пересчитала листья по одному.

Мне досталось девять медных.

Лизе — тоже девять, хотя корзину она набрала больше моей: доля от количества рук, как и было сказано.

Я держал в кулаке девять монет и думал совсем не о них.

Пятеро детей ходят за вырубку два года и не берут то, что растёт у брода, потому что не знают, что за это платят.

У меня есть книга, в которой это написано, и я не мог до неё дойти, потому что не знал, где брод.

По отдельности — два медяка и пустой день.

Вместе — девять на каждого.

Это не сложение.

Я шёл домой мокрый до пояса, и цифра девять никак не хотела укладываться рядом с цифрами, которые я считал последние два месяца.

Не потому, что она была большая.

Потому что она получилась из двух половин, ни одна из которых не была моей целиком.

* * *

Артур пришёл затемно.

Он посмотрел на мои штаны, потом на монеты, которые я выкладывал на стол, потом на Нири.

— Много?

— Девять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.